дозв. ценз. спб. 18 марта 1893 г. тип. тов. „общ. польза" б. подъяч., 39.

Г. Р. Державинъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ, ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И СЛУЖБА.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

С. М. Бриліанта.

Съ портретомъ Державина, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Г. И. Салова и К°. Мѣщанская ул., д. № 5.
1893

Дозволено цензурою. Спб. 26 Марта 1893 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОЧНИКИ.

Полное собраніе сочиненій Державина. Изданіе Академіи наукъ, подъ редакціей *Я. Грота.*

8-й томъ того-же изданія: Біографія Державина, составленная академикомъ *Я. К. Гротомъ.*

Девять томовъ свыше 1000 стр. каждый заключаетъ въ себѣ громадный и цѣнный матерьялъ для біографіи и характеристики поэта и гражданина.

Въ этомъ изданіи можно найти указанія на всѣ источники. Со времени его появленія по справкамъ наведеннымъ составителемъ предлагаемаго очерка ничего цѣннаго по отношенію къ личности Державина въ литературѣ вновь не явилось. Труды по исторіи минувшаго вѣка, начала нынѣшняго и мемуары указаны отчасти въ очеркахъ Крылова и фонъ-Визина, отчасти въ другихъ очеркахъ изданія «Жизнь замѣчательныхъ людей».

I.

Дѣтство. — Гимназія. — Служба.

Гавріилъ Романовичъ Державинъ, «пѣвецъ Фелицы», родился, по преданію, въ мѣстечкѣ Кармачахъ или Сокурахъ, Лаишевскаго уѣзда Каз. губ., верстахъ въ 40 отъ губернскаго города. Появленіе на свѣтъ ребенка—всегда событіе. На этотъ разъ оно имѣло не маловажное значеніе и для потомства. Державинъ родился въ воскресенье 3-го іюня 1743 г., и былъ названъ по празднуемому 13-го числа этого мѣсяца собору архангела *Гавріила.*

Мѣсто его рожденія обозначили мы выше «по преданію». Въ 1862 году одинъ изъ владѣльцевъ Кармачей показывалъ біографу поэта мѣсто подъ горой, гдѣ нѣкогда стоялъ домъ Державиныхъ, а въ то время находился грунтовой сарай. Ту-же честь приписываетъ себѣ однако мѣстечко Сокуры, гдѣ поэтъ въ самомъ дѣлѣ провелъ часть дѣтства.

Самъ Державинъ считалъ себя прямо уроженцемъ Казани, отождествляя родину съ городомъ, гдѣ онъ выросъ, воспитывался, пріобрѣлъ первыя знанія, развитіе и зачатки стремленій къ литературной и гражданской дѣятельности.

Родители поэта—небогатые, мелкопомѣстные дворяне — не мечтали ни о славѣ, ни о роскоши для сына. Романъ, отецъ поэта, служилъ въ разныхъ гарнизонныхъ полкахъ, и первое дѣтство Гавріила Романовича прошло въ разъѣздахъ. Оно напоминаетъ во многомъ дѣтство Крылова. И его первой учительницей была мать. Также рано умеръ отецъ и также много мытарствъ прошли мать съ сыномъ. Съ той-же выносливостью вышелъ на дорогу человѣкъ съ врожденнымъ умомъ и талантомъ. Дорога вела не къ вершинѣ славы самороднаго генія, но Державинъ нашелъ свою судьбу и оставилъ намъ историческое наслѣдство.

Происхожденіе Державина отъ мурзы Багрима льстило впослѣдствіи его воображенію и доставляло любимую поэтическую прикрасу. Оно подтверждается семейными документами, въ которыхъ содержатся свѣдѣнія, что этотъ мурза въ княженіе Василія Васильевича Темнаго, въ XV столѣтіи, выѣхалъ изъ Большой орды служить на Руси, былъ крещенъ самимъ великимъ княземъ

въ православную вѣру и при этомъ получилъ имя Ильи. Ему пожалованы были вотчины въ нынѣшнихъ Владимірской, Новгородской и Нижегородской губерніяхъ. Отъ сыновей его произошли Нарбековы, Акинфовы, Кеглевы. У Дмитрія Ильича Нарбекова былъ, въ числѣ другихъ дѣтей, сынъ *Держава*, начавшій службу въ Казани. Такъ возникъ родъ Державиныхъ, которые «служили по городу Казани дворянскую службу», почему и называются въ актахъ «Казанцами».

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности исторіи рода; онѣ изложены документально въ 8-мъ томѣ академическаго изданія «Сочиненій Державина». Родители поэта, Романъ и Ѳекла Державины, жили то въ казанской деревнѣ, то въ губернскомъ городѣ. Они вели тихую, но не всегда спокойную жизнь, потому что должны были часто тягаться съ сосѣдями. Обстановка этихъ волненій не только ярко рисуетъ бытъ и нравы эпохи, но даетъ цѣнный матерьялъ для характеристики самого поэта, какимъ мы его увидимъ вскорѣ, съ наслѣдственными чертами запальчивости, заносчивости, чрезмѣрныхъ притязаній и т. п. Главная тяжба родителей окончилась только въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда никого изъ нихъ уже не было въ живыхъ, а самъ поэтъ, авторъ «Фелицы», осыпанный милостью Екатерины, имѣлъ вліяніе въ сенатѣ и высшихъ сферахъ.

Тяжба эта была результатомъ давней вражды отца поэта секундъ-маіора Державина съ сосѣдомъ по имѣнію отставнымъ полковникомъ Я. Ѳ. Чемадуровымъ. Въ 1742 году Державинъ былъ въ гостяхъ у сосѣда, а вслѣдъ затѣмъ подалъ въ губернскую канцелярію челобитную, въ которой жаловался, что Чемадуровъ, задумавъ лишить его жизни, поилъ какимъ-то «особливымъ крѣпкимъ медомъ», отчего Романъ Державинъ, по собственному сознанію, «сталъ быть не безъ шумства». Тогда Чемадуровъ приказалъ своей прислугѣ и людямъ бывшаго тутъ-же шурина своего, *недоросля* Бѣлавина, бить Державина до смерти, и они, стащивъ его съ лошади, жестоко избили, вынули у него изъ кармана кошелекъ съ деньгами, золотую медаль, печать, золотой перстень, у снятой съ него шпаги изогнули клинокъ и «столкали его съ двора»; отъ такихъ побоевъ онъ былъ нѣсколько времени боленъ.

Изъ производства дѣла, возникшаго по этой жалобѣ, видно, что въ числѣ свидѣтелей, на которыхъ ссылался Романъ Державинъ, были также отецъ его и мачиха, а въ нанесеніи побоевъ участвовалъ калмыкъ Иванъ, котораго истецъ, на осно-

ваніи тогдашнихъ законовъ, просилъ подвергнуть пыткѣ. Съ своей стороны Чемадуровъ въ оправданіе свое приводилъ, что онъ, приглашая Державина въ гости, никакого злого умысла не имѣлъ, поилъ его тѣмъ-же медомъ, который и самъ пилъ; Державинъ-же кромѣ того пилъ водку и пиво и, сдѣлавшись пьянъ, всячески бранилъ Бѣлавина. Чемадуровъ сталъ говорить ему, чтобы онъ унялся или отправился домой, но Державинъ, выйдя на крыльцо, ругалъ хозяина «непотребными словами» и билъ его двоюроднаго брата Останкина; затѣмъ сѣлъ на лошадь, *обнажилъ шпагу и гонялся съ нею по двору за людьми*; тогда Чемадуровъ велѣлъ отнять у него шпагу и свести его со двора.

Нашъ поэтъ, зная кровь свою, опасался всегда крѣпкихъ напитковъ; тѣмъ не менѣе мы скоро увидимъ, какъ сказывались въ немъ эта отцовская кровь и черты наслѣдственнаго быта.

Поэтъ нашъ родился такимъ малымъ, слабымъ и тощимъ, что сочли нужнымъ, по мѣстному обычаю, запекать его въ хлѣбѣ. На пятомъ году онъ научился отъ матери читать. Затѣмъ первыми учителями его были «церковники», какъ онъ выражается, вродѣ конечно Кутейкина, а также Вральманы и Цыфиркины.

Рано началась для маленькаго Гаврюши кочующая жизнь, благодаря командировкамъ отца въ разные города по Волгѣ. Быть можетъ этотъ родъ жизни какъ-разъ содѣйствовалъ укрѣпленію здоровья будущаго маститаго поэта и царедворца. Когда Державину минуло семь лѣтъ, онъ находился съ отцомъ въ Ставрополѣ и въ годовщину дня своего рожденія, 3-го іюля 1750 года, вмѣстѣ съ братомъ былъ представленъ въ мѣстную провинціальную канцелярію, а въ слѣдующемъ августѣ мѣсяцѣ они «смотрѣны» въ оренбургской губернской канцеляріи. Въ выданномъ оттуда отцу паспортѣ сказано, что «Гаврила по седьмому, а Андрей по шестому году уже начали обучаться своимъ коштомъ словесной грамотѣ и писать, да и впредь-же ихъ, *ежели время и случай допуститъ*, желаетъ оный отецъ ихъ своимъ-же коштомъ обучать ариѳметикѣ и прочимъ указнымъ наукамъ до указныхъ лѣтъ». Дѣти отданы были опять отцу съ обязательствомъ, согласно указамъ, какъ имъ 12 лѣтъ будетъ, «объявить» ихъ на 2-й смотръ.

Случай въ самомъ дѣлѣ допустилъ Державина продолжать ученье въ Оренбургѣ, въ школѣ знаменитаго въ своемъ родѣ нѣмца Розе. Приговоренный къ каторжной работѣ, послѣдній вмѣсто Сибири попалъ въ Оренбургъ, благодаря памятному въ лѣтописяхъ первому губернатору края Неплюеву. Онъ перевелъ самый городъ на удобнѣйшее мѣсто и, не брезгая ссылаемыми въ Сибирь,

искалъ въ нихъ рукъ для построекъ, мастеровъ и купцовъ. Розе съумѣлъ извлечь выгоду изъ своего положенія въ этомъ городѣ. Мѣстное дворянство охотно стало отдавать дѣтей въ заведенную имъ школу. По свидѣтельству Державина, онъ былъ развратенъ и жестокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ круглый невѣжда.

Пробывъ у Розе года два или три, Державинъ однако умѣлъ уже читать, писать и говорить по-нѣмецки. Такой результатъ нельзя считать маловажнымъ. Розе сообщилъ ему также твердый, красивый почеркъ, и мальчикъ, благодаря этому упражненію, пристрастился къ рисованію перомъ. Въ промежуткахъ между уроками онъ срисовывалъ съ лубочныхъ картинокъ богатырей, раскрашивая ихъ чернилами и охрой. Такимъ-то образомъ, говоритъ біографъ Державина, уже въ дѣтствѣ его начала проявляться та неутомимая дѣятельность, которая навсегда осталась отличительной чертой поэта.

Въ 1754 году отецъ умеръ. Сыну въ это время шелъ двѣнадцатый годъ; «гарнизонный школьникъ» Лебедевъ, а потомъ штыкъ-юнкеръ Полежаевъ готовили его ко второму смотру по ариѳметикѣ и геометріи. Оба они мало знали, довольствовались первыми дѣйствіями, а въ геометріи—черченіемъ фигуръ. Державинъ на всю жизнь остался плохимъ математикомъ.

Пятнадцатилѣтнимъ юношей Державинъ поступилъ въ казанскую гимназію. 21-го января 1759 года—день поступленія его въ гимназію—было вмѣстѣ съ тѣмъ и днемъ ея открытія. До того въ Казани, какъ и во всей Руси, существовали только гарнизонныя школы. Казанская гимназія явилась чѣмъ-то вродѣ колоніи Московскаго университета съ его гимназіей. Основаніемъ своимъ она была обязана представленію просвѣщеннаго вельможи И. И. Шувалова.

Московскій университетъ послалъ въ Казань одного изъ учителей своей гимназіи сперва въ качествѣ развѣдчика и устроителя, а затѣмъ директоромъ гимназіи назначенъ былъ одинъ изъ трехъ ассессоровъ, состоявшихъ при университетѣ. Это былъ извѣстный по своей литературной дѣятельности М. И. Веревкинъ.

Братья Державины были въ числѣ первыхъ 14 дворянскихъ дѣтей, вступившихъ въ гимназію. Число учениковъ однако быстро возрасло до девяносто-пяти.

Веревкинъ, несмотря на нѣкоторые свои недостатки, вполнѣ оправдалъ свой выборъ: онъ неутомимо заботился объ успѣхахъ молодежи. Одна борьба за пріобрѣтеніе учебниковъ стоила не мало хлопотъ. Болѣе 30 учениковъ должны были довольство-

ваться шестью экземплярами нѣмецкой азбуки. Понимая уже значеніе, какое могла имѣть Казань для изученія восточныхъ языковъ, Веревкинъ предлагалъ завести при гимназіи классъ татарскаго языка: «со временемъ—писалъ онъ—могутъ на немъ отыскиваемы быть многіе манускрипты; правдоподобно, что оные подадутъ можетъ быть и не малый свѣтъ въ русской исторіи».

Впрочемъ, что касается преподаванія въ гимназіи, то, по свидѣтельству самого Державина, главной цѣлью было *научить читать, писать и говорить сколько нибудь по грамматикѣ*. Предметовъ преподаванія считалось столько-же, какъ и теперь, но въ результатѣ, по недостатку учителей, уходили немногимъ дальше пансіона Розе. Продолжая начатое, Державинъ и здѣсь больше всего успѣлъ въ нѣмецкомъ языкѣ, что положило конечно начало его развитію и знакомству съ нѣмецкой литературой.

Особенную охоту продолжалъ оказывать Державинъ (мы говоримъ о его рисункахъ у Розе) къ „предметамъ, касающимся воображенія»: къ рисованію, музыкѣ и поэзіи. Болѣе практическое примѣненіе эти способности получили въ черченіи. Его чертежи и рисунки перомъ не только понравились Веревкину, но дали ему право похвастать предъ Шуваловымъ во время поѣздки въ Москву. Этотъ вельможа, заботившійся много о развитіи искусства въ Россіи и незадолго предъ тѣмъ основавшій Академію Художествъ, былъ очень пріятно пораженъ неожиданными плодами ученія въ отдаленной полутатарской странѣ.

Тѣ, которыхъ работы были представлены Шувалову, записаны въ гвардейскіе полки по ихъ желанію, а *одинъ изъ нихъ*—Державинъ—объявленъ кондукторомъ инженернаго корпуса.

Веревкинъ награжденъ былъ тѣмъ, что съ званіемъ директора гимназіи соединилъ назначеніе товарищемъ казанскаго губернатора. Извѣстіе о наградахъ, по возвращеніи Веревкина въ Казань, произвело большую радость въ гимназіи. Ученики надѣли мундиры; съ тѣхъ поръ Державинъ въ кондукторской формѣ исполнялъ на училищныхъ празднествахъ обязанность артиллериста и фейерверкера.

По мѣрѣ своего развитія Державинъ все болѣе выдавался среди товарищей. Веревкинъ скоро оцѣнилъ не только его талантъ къ рисованію, но также бойкость, подвижность, энергію и настойчивый характеръ. Предпринимая поѣздки по своей должности, онъ сталъ брать Державина для канцелярскихъ надобностей во главѣ нѣсколькихъ другихъ молодыхъ, способныхъ людей. Цѣлью одной напримѣръ такой поѣздки было снятіе плана

съ города Чебоксаръ. Веревкинъ самъ не стѣснялся ничѣмъ при выполненіи своихъ намѣреній, дѣйствовалъ круто, задерживая суда на Волгѣ и сгоняя бурлаковъ для таскания чудовищныхъ рамъ, шириною въ 8 сажень, съ желѣзными связями и цѣпями. Рабочіе несли эти рамы поперекъ улицы; когда какой нибудь домъ выступалъ впередъ и не давалъ пройти рамѣ свободно, надъ воротами писалось: *ломать*. Такъ производилось на Руси равненіе городовъ, заводился нѣмецкій порядокъ. Между тѣмъ Державинъ чертилъ огромной величины планъ на чердакѣ большого купеческаго дома, такъ какъ ни въ одной обыкновенной комнатѣ чертежъ не могъ умѣститься. Планъ остался недодѣланнымъ: его пришлось свернуть, уложивъ подъ грузомъ на телѣгу, и отвезти въ Казань.

По порученію Шувалова, Веревкинъ долженъ былъ изслѣдовать развалины древней столицы Болгарскаго царства. Пробывъ въ Болгарахъ нѣсколько дней, Веревкинъ соскучился и уѣхалъ, оставивъ тамъ Державина. Послѣдній съ товарищами работалъ до глубокой осени и привезъ въ Казань описаніе развалинъ, планъ бывшаго города, рисунки остатковъ нѣкоторыхъ строеній, надписи гробницъ, наконецъ собраніе монетъ и другихъ вещей, вырытыхъ изъ земли.

Державинъ не успѣлъ кончить и скуднаго гимназическаго курса, какъ въ началѣ 1762 года пришло изъ Петербурга требованіе явиться немедленно въ Преображенскій полкъ. Какимъ образомъ это случилось и куда дѣвалось его назначеніе кондукторомъ, неизвѣстно. Вѣроятно причиной тому были военныя обстоятельства, неурядица и потребность въ солдатахъ. Въ это время, со смертью Елисаветы, новый императоръ Петръ III замышлялъ походъ въ Данію одновременно съ Семилѣтней войной и приказалъ потребовать въ полки всѣхъ отпускныхъ. Вслѣдствіе этого наступила очередь и для Державина.

Мы встрѣтимъ его теперь въ Петербургѣ, рядовымъ, въ казармахъ полка.

* *
*

Изъ Казани Державинъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ мартѣ 1762 года и былъ зачисленъ рядовымъ въ 3-ю роту Преображенскаго полка. У него, какъ самъ онъ говорилъ, «протекторовъ» не было, и вотъ главная причина, почему онъ только черезъ 10 лѣтъ получилъ первый офицерскій чинъ. Одновременно съ нимъ также рядовымъ поступилъ въ полкъ Новиковъ. Между

тѣмъ Фонъ-Визинъ при поступленіи въ Московскій университетъ былъ записанъ уже сержантомъ и не служилъ въ полку.

Первое время службы было особенно трудно. Державинъ не имѣлъ ни родныхъ въ Петербургѣ, ни средствъ, достаточныхъ для жизни, и его помѣстили въ казармахъ вмѣстѣ со *сдаточными*, т. е. рекрутами изъ крестьянъ. По разсказу И. И. Дмитріева, Державинъ пошелъ *на хлѣбы* къ семейному солдату. Стали его учить ружейнымъ пріемамъ очень усердно, такъ какъ Петръ III былъ большой охотникъ до военныхъ ученій. Новичекъ впрочемъ оказалъ хорошіе успѣхи и скоро могъ участвовать въ парадѣ предъ императоромъ.

Такъ началась солдатская жизнь Державина. Вмѣстѣ съ другими поэтъ нашъ долженъ былъ ходить на ученье и стоять на караулѣ, отправлять разныя черныя работы, чистить каналы, разгребать снѣгъ и т. д. Понятно, что двѣнадцать лѣтъ такой жизни и службы составляютъ безотрадный періодъ въ жизни автора «Фелицы». Къ счастью, три мѣсяца спустя послѣ пріѣзда Державина произошло событіе, которое измѣнило весь характеръ эпохи и отразилось на всемъ окружающемъ. Мы говоримъ о воцареніи Екатерины II.

Преображенскій полкъ участвовалъ въ событіяхъ 28-го іюня. По словамъ поэта, третья рота вмѣстѣ съ прочими прибѣжала къ Зимнему дворцу, вокругъ котораго уже прежде расположились полки Семеновскій и Измайловскій. Преображенцы поставлены были внутри дворца и приведены архіепископомъ къ присягѣ императрицѣ, которая также успѣла пріѣхать во дворецъ въ сопровожденіи измайловцевъ. (Въ этомъ полку служилъ Новиковъ.) Державинъ былъ очень пораженъ тѣмъ, что̀ видѣлъ, но не зналъ тогда, кому сочувствовать. Юноша, прибывшій изъ Казани со школьной скамьи, мало интересовался политикой и мало понималъ конечно въ обстоятельствахъ времени. Онъ былъ занятъ собственнымъ устройствомъ, новостью казарменной жизни, заботой о будущемъ. Къ тому-же наканунѣ переворота у него изъ-подъ подушки украли деньги, и этотъ «непріятный случай сдѣлалъ его совсѣмъ невнимательнымъ *къ вещамъ постороннимъ*», говоритъ онъ въ своихъ запискахъ.

Со времени коронаціи Державинъ попадалъ нѣсколько разъ то въ Москву, то въ Петербургъ.

Въ Москвѣ первое время продолжалъ онъ жить въ казармахъ, гдѣ было не до ученья. Будущій поэтъ стремился къ другому. Услышавъ, что Шуваловъ, находясь въ Москвѣ, намѣ-

ренъ ѣхать за-границу, онъ задумалъ попытаться воспользоваться этимъ случаемъ попасть также въ чужіе края.

Написавъ письмо, въ которомъ просилъ своего нѣкогда начальника и покровителя взять его съ собой, онъ отправился къ вельможѣ и подалъ ему просьбу въ прихожей, гдѣ дожидались многіе. Шуваловъ собирался ѣхать во дворецъ. Онъ остановился, прочелъ просьбу и велѣлъ прійти за отвѣтомъ. Однако Державинъ самъ больше не явился. Дѣло разстроила тетка его, которая видѣла въ путешествіи источникъ всякой ереси и самого Шувалова считала *фармазономъ*. Такъ называли «отступниковъ отъ вѣры, еретиковъ, богохульниковъ, преданныхъ антихристу».

Простое званіе солдата, жизнь въ казармахъ и скудныя средства долго не дозволяли Державину ни учиться, ни свести приличное знакомство. Между тѣмъ избытокъ силъ расходовался на буйныя забавы, игру и приключенія.

Въ Москвѣ, какъ простой солдатъ, Державинъ между прочимъ разносилъ офицерамъ своего полка вечерніе приказы. Они стояли въ разныхъ частяхъ Москвы, и ему приходилось бродить ночью. Прогулки по пустыннымъ, занесеннымъ снѣгомъ, улицамъ не всегда даже были безопасны. Однажды на Прѣснѣ онъ «потонулъ было въ снѣгу». Въ другой разъ напали на него собаки, и онъ спасся, только благодаря тесаку.

Взамѣнъ случая и протекціи, Державинъ обладалъ настойчивостью характера и смѣлостью въ исканіи путей выдвинуться. Онъ подалъ просьбу своему начальнику, знаменитому впослѣдствіи графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, жалуясь на несправедливость, и получилъ чинъ капрала. А несправедливость по службѣ была отчасти слѣдствіемъ его страсти къ литературнымъ попыткамъ. Онъ осмѣялъ въ какихъ-то стансахъ полкового секретаря, стихи пошли по рукамъ, попались обиженному, и послѣдній сталъ вычеркивать Державина изъ списковъ на производство въ чины.

Пить много, говоритъ Державинъ, онъ никогда не любилъ. Однако проводилъ ночи въ кабакѣ и въ компаніи товарищей пристрастился къ игрѣ въ карты и разнымъ безчинствамъ.

Однажды во время отпуска изъ Петербурга, находясь въ Москвѣ и оставаясь тамъ сверхъ разрѣшеннаго срока, онъ проигралъ деньги, полученныя отъ матери на покупку имѣнія; съ отчаянья онъ занялъ деньги у Блудова, купилъ деревню на свое имя и заложилъ ее вмѣстѣ съ материнскимъ имѣньемъ, не имѣя на то права. «Когда-же не было окончательно на что

играть и жить, то, запершись дома, ѣлъ хлѣбъ съ водой и маралъ стихи при слабомъ иногда свѣтѣ полушечной сальной свѣчи или при сіяніи солнечномъ сквозь щелки затворенныхъ ставней». Между тѣмъ просрочка отпуска могла его погубить. Къ счастью, новый полковой секретарь Неклюдовъ спасъ поэта, причисливъ его къ Московской командѣ.

Оставаясь въ Москвѣ, онъ продолжалъ вести тотъ-же безпорядочный образъ жизни и испыталъ конечно не мало непріятностей. Будущаго статсъ-секретаря мудрой Фелицы окружили однажды на улицѣ будочники при звукахъ трещотокъ и, взявъ подъ уздцы лошадей, повезли черезъ всю Москву въ полицію за сумасшедшую ѣзду по городу на четверкѣ бѣшеныхъ лошадей. Сутки просидѣлъ онъ на караулѣ. Дѣло было довольно казусное. Его хотѣли заставить жениться на дочери приходскаго дьякона.... Въ другой разъ одинъ изъ его трактирныхъ пріятелей, подозрѣвая Державина въ шашняхъ и оскорбленный замѣчаніями на счетъ своей жены, заманилъ его къ себѣ въ домъ съ цѣлью угостить палками. Тамъ собралось нѣсколько человѣкъ и Державину бы не сдобровать. Среди шума и спора лежавшій на постели здоровенный, приземистый малый неожиданно обратился къ хозяину и сказалъ: «Нѣтъ, братъ, онъ правъ, и ежели кто изъ васъ тронетъ его волосомъ, то я вступлюсь и переломаю вамъ руки и ноги». Всѣ онѣмѣли. Это былъ пріѣзжій землемѣръ, поручикъ Гасвицкій. Между нимъ и Державинымъ завязалась здѣсь дружба на всю жизнь, какъ свидѣтельствуетъ оставшаяся переписка.

Сознаніе нравственнаго униженія не угасло однако въ Державинѣ, и жизнь эта стала наконецъ для него невыносимой. Совѣсть пробудилась, онъ рѣшилъ вырваться изъ окружавшей его среды и прежде всего оставить Москву. Въ мартѣ 1770 года Державинъ занялъ 50 рублей, бросился въ сани и поскакалъ въ Петербургъ. Въ Твери его чуть не удержалъ одинъ изъ прежнихъ друзей, но онъ, поплатясь всѣми деньгами, успѣлъ однако вырваться дальше. Ѣхавшій изъ Астрахани садовый ученикъ, который везъ ко двору виноградныя лозы, ссудилъ его 50 руб., но и эти деньги онъ въ новгородскомъ трактирѣ проигралъ почти всѣ. У него оставалось, сколько нужно было, на проѣздъ, да крестовикъ, полученный отъ матери, который онъ сохранилъ до конца жизни.

Такъ явился Державинъ въ столицу.

Борьба съ самимъ собой передъ отъѣздомъ изъ Москвы выразилась въ стихотвореніи *Раскаянье*, въ которомъ онъ, сравнивая Москву то съ Вавилономъ, то съ Магнитной горой, сознается, что

она неодолимой силой влечетъ его къ себѣ. «Повѣса, мотъ, буянъ, картежникъ,—говоритъ онъ о себѣ,—очутился, и вмѣсто, чтобъ талантъ мой въ пользу обратить, порочной жизнью его я погубилъ.

Во время и кстати собрался Державинъ уѣхать изъ Москвы. Тамъ начиналась моровая язва и вслѣдъ за ней—буйство и волненіе народа. Грозившая опасность вѣроятно способствовала также минорному настроенію воина-поэта и его раскаянью въ грѣхахъ.

Въ Петербургъ ему не сразу позволили въѣхать. Приходилось просидѣть двѣ недѣли у карантинной заставы. Чтобы сократить срокъ, Державинъ пожертвовалъ пожитками и позволилъ сжечь сундукъ, въ значительной мѣрѣ наполненный его опытами въ литературѣ. Не всѣ его раннія произведенія при этомъ погибли: кое что сохранилось въ тетради.

Первыя пробы пера Державина носили своеобразный казарменный характеръ. Съ самаго вступленія въ полкъ юноша пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность среди солдатъ переложеніемъ на риѳмы бывшихъ въ ходу «площадныхъ прибасокъ» на счетъ каждаго полка. Это забавляло конечно товарищей, но кромѣ того они, а особенно жены ихъ, съумѣли эксплоатировать его грамотность съ пользой и стали просить писать для нихъ *грамотки* къ отсутствующимъ родственникамъ. Державинъ, выросшій на Волгѣ, знакомый хорошо съ народомъ и бурлаками, искусно употреблялъ простонародныя выраженія и заслужилъ всеобщее расположеніе сослуживцевъ; часто они исполняли за него разныя работы.

Въ Петербургѣ, въ чинѣ уже капрала, Державинъ оказывалъ сослуживцамъ офицерамъ подобнаго-же рода услуги перомъ. Онъ писалъ для нихъ то дѣловыя бумаги, то письма, между прочимъ даже интимнаго содержанія, поэтически болѣе или менѣе выражая пламенныя страсти офицерскихъ сердецъ. Кромѣ того онъ подносилъ имъ въ подарокъ иногда копіи перомъ съ гравированныхъ портретовъ Елисаветы и другихъ. По словамъ Державина, честные и почтенные люди полюбили его и имѣли на него хорошее вліяніе. Они-же вскорѣ помогли ему получить первый офицерскій чинъ.

Несмотря на интриги, друзья настояли на производствѣ его въ офицеры гвардіи, тогда какъ недоброжелательное начальство рѣшало за бѣдностью выпустить Державина въ армейскіе офицеры.

Двадцати восьми лѣтъ отъ роду Державинъ впервые наконецъ удовлетворилъ свое самолюбіе, хотя «бѣдность—говоритъ онъ—была для него великимъ препятствіемъ носить званіе гвардейскаго офицера съ приличіемъ: особливо такъ какъ тогда болѣе даже, нежели нынѣ (т. е. въ царствованіе Александра I), блескъ богатства и

знатность предпочитались скромнымъ достоинствамъ и ревности къ службѣ». Державинъ получилъ ссуду изъ полка, сукно, позументъ и пр. Продавъ сержантскій мундиръ и призанявъ еще денегъ, онъ купилъ англійскіе сапоги и карету, старенькую правда, да еще послѣднюю въ долгъ, но зато это значило обзавестись *всѣмъ нужнымъ*! Жилъ онъ въ то время на Литейной, гдѣ помѣщались и казармы въ маленькихъ, деревянныхъ покойчикахъ, хотя бѣдно, однако порядочно, устранясь отъ всякаго развратнаго сообщества, «ибо—прибавляетъ онъ—и я имѣлъ любовную связь съ одною хорошихъ нравовъ и благороднаго поведенія дамою. Какъ былъ очень къ ней привязанъ, а она не допускала меня отъ себя уклоняться въ дурное знакомство, то и исправилъ я по малу свое поведеніе». Любопытно и то, что, не оставляя картъ, онъ игралъ въ это время уже не по страсти, а благоразумно и умѣренно.

* *
*

Сундукъ съ «опытами» Державина, сожженый въ карантинѣ,— конечно не великая утрата въ сокровищницѣ русской поэзіи. Однако первыя «пробы пера» любопытны для біографа и критика.

Державинъ, какъ мы видѣли, въ гимназіи уже выказалъ способности къ «предметамъ, касающимся воображенія». Обстановка дѣтства имѣла конечно свою долю въ развитіи этой стороны ума. Она была незатѣйлива, но картины родной природы и быта кладутъ свою печать на впечатлительный умъ ребенка и кочевая жизнь могла только способствовать ея развитію. Далѣе воображеніе развивалось чтеніемъ въ гимназіи.

Общество того времени было весьма невѣжественно. Веревкинъ, какъ страстный литераторъ, сдѣлалъ попытку распространить охоту къ чтенію и просилъ университетъ выслать двадцать экземпляровъ «Москов. Вѣдомостей» для распространенія въ краю; но и даровое угощеніе неохотно было принято. Изъ 10 полученныхъ экземпляровъ только 4 разошлись послѣ долгаго времени.

Тѣмъ не менѣе въ обществѣ были распространены нѣкоторые переводные романы и кое-что изъ произведеній Сумарокова. Потребности вѣка вызывали особые пріемы писателей. Тредьяковскій въ переводѣ *Аргениды* напримѣръ въ концѣ каждой главы помѣстилъ миѳологическія и историческія примѣчанія. Чтеніе такимъ образомъ хотя-бы даже романовъ являлось безъ сомнѣнія образовательнымъ орудіемъ. Оно было вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитательнымъ, такъ какъ романы переводные знакомили нашу публику съ цѣлымъ міромъ ощущеній, явленій нравствен-

ныхъ, обусловленныхъ широкимъ развитіемъ общественной и политической жизни на западѣ.

Свидѣтельство самого Державина о его первомъ чтеніи украдкой для насъ важно и любопытно. Недостаточное образованіе поэта все-же было, какъ ясно изъ его словъ, скорѣе плодомъ самостоятельной работы, нежели преподаванія. Чтеніе также подстрекнуло его къ первымъ опытамъ и подражанію современнымъ писателямъ. Не все приходилось Державину читать украдкой. Веревкинъ самъ старался возбудить въ гимназистахъ охоту къ чтенію, заставлялъ выучивать наизусть рѣчи, сочиняемыя преподавателями на разныхъ языкахъ, причемъ Державинъ знакомился съ именами Фенелона и Мольера, Ломоносова и Сумарокова.

Рядомъ съ чтеніемъ шли театральныя представленія. По случаю празднества годовщины коронаціи Елисаветы и годовщины открытія университета, Веревкинъ, съ разрѣшенія Шувалова, вскорѣ-же послѣ своего назначенія и пріѣзда устроилъ пышное торжество. Былъ данъ обѣдъ на 117 человѣкъ. «Три длинныя линіи столовъ касались между собою концами. На отдаленныхъ концахъ поставлены были изображенія частей свѣта, по которымъ распространяются области всемилостивѣйшей самодержицы», а въ серединѣ, гдѣ столы сходились, сдѣлана была крутая, ущелистая гора (*Парнасъ*), на которую по узкимъ тропинкамъ всходило сто человѣческихъ фигуръ съ книгами и инструментами въ рукахъ. Бо́льшая часть впрочемъ падала на трудномъ пути, но Ломоносовъ и Сумароковъ (оба еще жили тогда) вслѣдъ за Аполлономъ и Музами достигали благополучно вершины, чтобы пѣть Елисавету, по приказанію Юпитера. Его повелѣніе приноситъ Меркурій, и послѣдній такъ искусно на тонкомъ волоскѣ «летящимъ внизъ былъ прилѣпленъ, что я самъ, то зная, не могъ волоса видѣть», съ наивнымъ восхищеніемъ пишетъ Веревкинъ въ донесеніи Шувалову, а по поводу устроенной имъ комедіи замѣчаетъ: «Вотъ, милосердый государь, и въ Тартаріи Мольеръ уже извѣстенъ»,—представлена была комедія *Школа Мужей*. Послѣ комедіи были ужинъ, балъ, игра и *разговоры о наукахъ!* Можно себѣ представить восторгъ и впечатлѣнія Державина, его стремленія подражать генію и первыя чернильныя попытки.

* * *

Вытребованный изъ гимназіи въ полкъ, Державинъ, казалось, могъ надѣяться на покровительство Шувалова. Онъ не замедлилъ къ нему явиться съ рекомендаціей Веревкина и съ вещами, вывезенными изъ Болгаръ. Шуваловъ принялъ его лю-

безно и, желая повидимому поощрить, отправилъ его къ извѣстному граверу Чемесову въ Академію Художествъ. Послѣдній похвалилъ его рисунки, обѣщалъ доставить черезъ Шувалова-же средства продолжать занятія, но все это какъ-то заглохло.

Изъ числа раннихъ «казарменныхъ» опытовъ Державинъ самъ помнилъ впослѣдствіи «стансы солдатской дочери Наташѣ»—*сатирическаго* содержанія, т. е. съ разными выходками болѣе или менѣе вольнаго характера!... Рядомъ съ этимъ есть уже и попытка воспѣть Екатерину александрійскимъ размѣромъ. Въ старѣйшей тетради поэта сохранились и страстныя пѣсни, написанныя иногда по просьбѣ друзей, и эпиграммы, мадригалы, надписи, идилліи, наконецъ молитвы. Есть и цѣлый рядъ *билетовъ*, т. е. двустишій, вродѣ тѣхъ, что́ и нынѣ служатъ «литературной приправой къ конфетамъ», напримѣръ:

«Одна рука въ меду, а въ патокѣ другая.
«Счастлива будетъ жизнь въ весь вѣкъ тебѣ такая».

И Сумароковъ не брезгалъ такими изреченіями уже во дни своей славы.

Къ тому-же времени относится первая ода къ Екатеринѣ. Съ этихъ поръ начинаются попытки, которыя ведутъ насъ по пути къ «Фелицѣ». Юный поэтъ, по примѣру Ломоносова, слышитъ говоръ селъ и городовъ, говоритъ о правосудіи и кротости, а главное обращается къ Истинѣ и хочетъ пѣть *«безъ лести»*. Послѣднее было тѣмъ болѣе кстати, что въ томъ-же году Екатерина сама выразила, чего она требуетъ и что ей непріятно. По поводу поднесенія ей депутатами коммиссіи титула Великой, секретарь Разумовскаго писалъ графу И. И. Шувалову за-границу: «Прошлое воскресенье церемонія, въ которой депутаты просили принять титулъ Премудрой, Великой, Матери отечества, на что́ отвѣтъ былъ достойный сей монархини: Премудрость — одному Богу; Великая — о томъ разсудитъ потомство; Мать-же отечества—то я васъ люблю и любима быть желаю».

Извѣстно, что, по поводу запрещенія драмы Николева губернаторомъ въ Москвѣ за сильные стихи противъ деспотизма, Екатерина, отмѣняя распоряженіе, писала: «здѣсь говорится о тиранахъ,—Екатерину Вы называете Матерью». Впослѣдствіи Державинъ не забылъ похвалить ее за то, что она скромно «отреклась и мудрой слыть».

Въ эскизѣ позднѣйшей оды, одной изъ лучшихъ у Державина, а именно «Видѣніе Мурзы», поэтъ, обращаясь въ тиши своего кабинета къ Екатеринѣ, говоритъ: 2

«Ты меня и въ глаза еще не знала и про имя мое слыхомъ не слыхала, когда я, плѣненный твоими добродѣтельми, какъ дуракъ какой, при напоминаніи имени твоего плакалъ и, будучи приведенъ въ восторгъ, въ похвалу твою разные маралъ стихи, которыхъ-бы можетъ быть достаточны уже были стопы на завертки въ щепетильномъ ряду товаровъ, ежели-бы я ихъ не рвалъ и не сжигалъ въ печи».

Не очевидно-ли, что «судьба опредѣлила ему быть пѣвцомъ Фелицы», если онъ приходилъ въ восторгъ тогда, когда еще смыслъ новыхъ событій вовсе не былъ ему ясенъ. Во всякомъ случаѣ все, что касалось Екатерины, достойно было оды по тому времени, но Державинъ еще колебался въ выборѣ формы и рода поэзіи.

* *
*

Получивъ офицерскій чинъ, Державинъ вошелъ въ общество и въ это время въ первый разъ явился въ печати, безъ имени впрочемъ. Въ журналѣ «Старина и Новизна» помѣщена была переведенная имъ съ нѣмецкаго *Ироида* на сюжетъ, заимствованный изъ «Превращеній Овидія». Державинъ увѣряетъ, что стихи попали въ журналъ безъ его вѣдома, что конечно возможно; они были также значительно исправлены въ редакціи. Въ томъ-же году онъ напечаталъ въ типографіи Академіи Наукъ, въ числѣ 50 экземпляровъ, свою оду на бракосочетаніе великаго князя (Павла), назвавъ себя здѣсь, вмѣсто имени, «потомкомъ Аттилы, жителемъ рѣки Ра»; ода эта — слабое подражаніе Ломоносову. Таковы были первыя пробы пера честолюбиваго юноши.

Несовершенство не только этихъ опытовъ но и многихъ другихъ его произведеній, а также недостатки его, какъ человѣка и гражданина, въ значительной мѣрѣ опредѣляются его признаніями въ запискахъ и примѣчаніяхъ къ стихамъ. Такъ, въ неоконченномъ сочиненіи «Разсужденіе о достоинствѣ государственнаго человѣка», начатомъ имъ было въ 1811 году для чтенія въ *Бесѣдѣ*, Державинъ говоритъ:

«Недостатокъ мой исповѣдую въ томъ, что я былъ воспитанъ въ то время и въ тѣхъ предѣлахъ имперіи, когда и куда не проникало еще въ полной мѣрѣ просвѣщеніе наукъ не только на умы народа, но и на то состояніе, къ которому принадлежу. Насъ научили тогда: вѣрѣ—безъ катехизиса, языкамъ—безъ грамматики, числамъ и измѣренію—безъ доказательствъ, музыкѣ—безъ нотъ и т. п. Книгъ, кромѣ духовныхъ, почти никакихъ не читали, откуда-бы можно почерпнуть глубокія и обширныя свѣдѣнія».

На фонѣ этой печальной картины нельзя не замѣтить однако свѣтлыхъ точекъ. Послѣ Петра Россія походила на гигантскую верфь въ моментъ остановки работы, гдѣ виденъ остовъ корабля, гдѣ руль приложенъ и ждетъ твердой, опытной руки, тамъ мачты

поставлены на мѣсто, но требуютъ скрѣпленій. Орудія и руки готовы идти въ дѣло, но все вмѣстѣ ждетъ властнаго приказанія, мановенія руки, голоса, который дастъ жизнь и дереву, и камню. Воцареніе Екатерины дало новый толчокъ движенію впередъ; послѣднее отразилось не только въ правительственныхъ мѣрахъ, но и въ оживленіи литературы.

Державинъ скоро попадаетъ въ водоворотъ новаго теченья.

II.

Пугачевщина.—Служба при князѣ Вяземскомъ.—Первые литературные опыты.

Воцареніе Екатерины привѣтствовала «вся Россія», какъ принято выражаться, и даже «вся Европа» въ лицѣ коронованныхъ особъ и авгуровъ XVIII вѣка: Вольтера, энциклопедистовъ и поэтовъ. Воцареніе Елисаветы тоже привѣтствовалось многими съ энтузіазмомъ. Царствованіе ея убѣдило лишь въ необходимости коренныхъ реформъ, основанныхъ не на произвольныхъ только воззрѣніяхъ временщиковъ, а на прочныхъ измѣненіяхъ государственныхъ учрежденій. Екатерина отвѣчала, казалось, идеалу этихъ стремленій. Памятникомъ ея благихъ намѣреній и «умоначертаній» остались «Наказъ», цѣлая литература и начала, положенныя въ воспитаніе любимаго внука ея императора Александра I, но честолюбивые замыслы увлекли «матерь народа» на путь завоеваній и самовластія.

Въ то время, какъ императрица готовила въ коммиссіи объ уложеніи «Скрижаль заповѣдей святыхъ», по словамъ Державина, а поэты грызли перья, сочиняя хвалебныя пѣсни «Семирамидѣ Сѣвера», не все на Руси обстояло благополучно. Моровая язва свирѣпствовала въ самой Москвѣ, ропотъ и недовольство усмирялись военной силой. Въ то-же время, по распоряженію графа Орлова, устраивались карусели съ цѣлью «развлечь Россіянъ, между которыми начинали обнаруживаться неудовольствіе и волненіе». Въ Петербургѣ не переставала дѣйствовать «тайная канцелярія» и хлопотъ у нея было не мало. Грабежи, разбои, частые пожары озабочивали властей. Пьянство въ кабакахъ и уличный развратъ, корчемство, азартныя игры въ кости и карты—среди бѣла дня и на виду, ростовщичество и изобиліе векселей, контрабандная торговля и т. п. Все это были явленія обычныя, и не гнушались ими первые вельможи. Безбородко приказывалъ обли-

вать себя водой, прежде чѣмъ явиться съ докладомъ къ Екатеринѣ послѣ ночи, проведенной въ оргіяхъ уличныхъ заведеній. Въ цѣломъ Поволжьи грабежъ и разбои были популярнымъ ремесломъ; ими занимались «всѣхъ чиновъ» люди: и бѣглые крестьяне, и солдаты, колодники и заводскіе, рабочіе и инородцы; бывали грабители и разбойники изъ дворянъ-помѣщиковъ.

На почвѣ крѣпостного права, или вѣрнѣе безправія, свободно процвѣтали жестокосердіе, произволъ, лихоимство, невѣжество и всевозможныя народныя бѣдствія: эпидеміи и голодъ постоянно смѣняли другъ друга по всему простору земли русской.

Екатерина II подтвердила въ сенатѣ петровское изреченіе: «почто писать указы, коль ихъ *въ диванахъ* не творятъ»; но всѣ мѣры противъ взятокъ и произвола ни къ чему не приводили и скоро были оставлены втунѣ самой императрицей.

«Стоглавая гидра» Пугачевщины нашла сочувственный откликъ въ народныхъ массахъ. Энергичный усмиритель Пугачева Бибиковъ писалъ, что трудно бороться не съ мятежниками, а «съ всеобщимъ недовольствомъ». Онъ-же свидѣтельствуетъ, что главнымъ образомъ ненависть обращалась на дворянъ и чиновниковъ. Также и члены коммиссіи о поимкѣ Пугачева признавали, что бунтъ произошелъ отъ ненависти бѣглецовъ—помѣщичьихъ крестьянъ—за гнетъ владѣльцевъ и чиновъ. Кн. Щербатовъ въ «письмѣ къ вельможамъ-правителямъ государства» обращается къ сановникамъ блестящаго вѣка съ такими словами: «вижу нынѣ вами народъ утѣсненный, законы въ ничтожность приведенные: имѣніе и жизнь гражданскую въ неподлинности» и т. д. и затѣмъ, кончая вопросомъ: «чѣмъ вы воздадите народу, коего сокровища служатъ къ обогащенію вашему?» Отдѣльные голоса гуманные или просто только разумные заглушаются общимъ хоромъ. Въ сочиненіи, представленномъ Полѣновымъ въ 1768 году въ Вольное Экономическое общество, предсказывалась уже возможность возмущенія. Въ большинствѣ напротивъ, даже просвѣщенные люди полагаютъ, что вотчинники, помѣщики являются законными господами своихъ крестьянъ и должны заботиться объ улучшеніи ихъ матерьяльнаго и нравственнаго быта, но свободное состояніе «съ нашею формой правленія монархическаго не согласуетъ». Этотъ общій взглядъ выразился въ словахъ Татищева, который, подъ вліяніемъ идей Пуффендорфа, признаетъ, что крестьяне-холопы *по естественному своему состоянію* должны быть свободны.

Главную причину общаго неудовольствія противъ правитель-

ства Державинъ видитъ въ лихоимствѣ. Въ секретной инструкціи во время дѣйствій противъ Пугачева Бибиковъ предписывалъ ему разузнать образъ мыслей населенія. Сколько онъ могъ наблюсти, лихоимство всего болѣе поддерживаетъ ропотъ, потому что всякій, кто съ крестьянами имѣетъ малѣйшее дѣло, грабитъ ихъ. Это дѣлаетъ «легковѣрную» и «неразумную» чернь недовольною и поддерживаетъ язву бунта. Державинъ выражается такъ, какъ будто разумные люди довольны, если ихъ грабятъ, но дѣло оттого не мѣняется. А взглядъ на взятки былъ очень простой и не хитрый. Въ *Трутнѣ* помѣщикъ пишетъ племяннику: «Вы говорите, что за взятки надлежитъ наказывать, надлежитъ исправлять слабости. Знаете-ли, что такія слова нечто иное, какъ первородный грѣхъ: гордость? А гордыми дѣлаютъ васъ книги»...Правый судъ былъ рѣдокъ и законы находились въ пренебреженіи. Гораздо позже Державинъ, въ бытность губернаторомъ въ Тамбовѣ, никакъ не могъ выписать изъ столицы хотя какіе нибудь печатные законы и хлопоталъ о томъ черезъ разныхъ друзей. Отпечатанные экземпляры законовъ были рѣдкостью и расходились въ небольшомъ количествѣ.

* *
*

Въ исходѣ сентября 1773 года въ Петербургѣ праздновалось бракосочетаніе великаго князя Павла Петровича съ Дармштадтской принцессой Натальей Алексѣевной. Въ то самое время при дворѣ начались смутные толки о волненіяхъ на юго-востокѣ Россіи и появленіи Пугачева. Жители городовъ и духовенство встрѣчали мятежниковъ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью. Екатерина въ негодованіи уволила посланнаго на Волгу генерала Кара и на его мѣсто избрала генералъ-аншефа Бибикова, извѣстнаго твердостью, знаніемъ дѣла и умѣренностью. Съ званіемъ главнокомандующаго въ его распоряженіе отданы были всѣ мѣстныя власти и предоставлены самыя широкія полномочія. Екатерина въ своемъ рескриптѣ справедливо назвала его «истиннымъ патріотомъ». Это былъ человѣкъ съ образованіемъ и благороднымъ образомъ мыслей. Онъ служилъ дѣлу, а не лицамъ и не умѣлъ льстить.

Державинъ не былъ извѣстенъ Бибикову, но съ свойственной ему энергіей честолюбія и карьеры рѣшился попытать счастья. Явясь къ Бибикову, онъ объяснилъ, что, будучи уроженцемъ Казани и хорошо зная край, надѣется быть ему полезнымъ. Вечеромъ того-же дня онъ получилъ приказъ явиться снова и узналъ о назначеніи своемъ въ слѣдственную коммиссію.

Бибиковъ не раскаялся впослѣдствіи въ выборѣ. Державинъ оказался усерднымъ исполнителемъ предписаній. Три года длилась Пугачевщина, и во все это время Державинъ не переставалъ дѣйствовать энергично, постоянно стараясь выдвинуться, заслужить расположеніе вельможъ, становившихся во главѣ дѣйствій, и обратить на себя вниманіе самой императрицы. Все это удавалось ему съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Со смертью Бибикова Державину пришлось лавировать, заискивая расположеніе главнокомандующаго Петра Панина и начальника секретныхъ коммиссій Павла Потемкина, брата извѣстнаго временщика.

Смерть Бибикова была тяжелымъ ударомъ для Екатерины. Всю трудность положенія онъ выразилъ самъ въ предсмертныхъ словахъ своихъ: «не жалѣю о дѣтяхъ и женѣ,—сказалъ онъ:—государыня призритъ ихъ, жалѣю объ отечествѣ».

Екатерина сама даже думала ѣхать въ Москву и стать во главѣ арміи. Никита Панинъ указалъ ей на брата, котораго она впрочемъ называла «персональнымъ ея оскорбителемъ» и «дерзкимъ болтуномъ», такъ какъ онъ, живя въ Москвѣ, порицалъ дѣйствія правительства. Въ трудную минуту она одобрила однако этотъ совѣтъ. Назначеніе Панина имѣло ту выгодную сторону, что должно было убѣдить народъ въ самозванствѣ Пугачева, если братъ дядьки великаго князя, законнаго наслѣдника, идетъ противъ него. Правда, народъ сперва думалъ, что онъ ѣдетъ съ хлѣбомъ-солью на встрѣчу императору, но Панинъ скоро показалъ, какова эта хлѣбъ-соль, приказавъ поставить въ каждомъ селеніи «по одной висѣлицѣ, по одному колесу и по одному глаголю для вѣшанья за ребро». Начались жестокія казни, *для примѣра*, и повальное сѣченье. Державинъ уже раньше писалъ изъ Саратова о необходимости прислать преступниковъ для примѣрной казни, надѣясь, что зрѣлище это «дастъ нѣсколько иныя мысли». Орудія въ селеніяхъ стали примѣнять прямо къ мѣстнымъ жителямъ, лишь только заподозрѣвалось сочувствіе къ самозванцу, по мѣрѣ его приближенія. Въ исполненіи этихъ мѣръ, особенно въ сѣченьи, розыскахъ и поимкахъ, въ допросахъ по большей части «съ пристрастіемъ» въ застѣнкахъ, Державинъ выказалъ рѣдкую энергію, настойчивость и лукавство. «Алексѣевскихъ жителей мнѣ было пересѣчь некогда.... пишетъ онъ кн. Голицыну:—когда буду возвращаться, то вашего сіятельства приказъ исполню». «Смертныя казни и тѣлесныя кары для обузданія народа были въ общемъ планѣ распоряженій правительства; это необходимо имѣть въ виду при наказаніяхъ, какія въ ту эпоху не разъ приходилось совершать и Державину», замѣчаетъ

біографъ поэта, академикъ Я. К. Гротъ. Противъ этого факта никто не можетъ спорить, но остается свобода въ оцѣнкѣ характера поэта, котораго никто не побуждалъ къ избранію подобной дѣятельности.

Замѣтимъ кстати, что Екатеринѣ дѣйствія Панина были въ самомъ дѣлѣ больше по душѣ, чѣмъ сдержанность Бибикова. Въ отвѣтъ на донесеніе Панина, Екатерина ему писала:

«Печатное ваше объявленіе... (о висѣлицахъ) сочинено *въ простомъ и очень понятномъ для подлаго народа слогѣ* и довольно явственно доказываетъ, съ какимъ хлѣбомъ-солью вы намѣрены встрѣчать общественнаго врага».

А врагъ становился все болѣе и болѣе грознымъ, встрѣчая сочувствіе въ массахъ. Главной чертой движенія было ожесточенное преслѣдованіе и уничтоженіе дворянъ. Послѣднимъ оставалось только спасать жизнь бѣгствомъ, пока не было поздно.

Изъ донесеній Державина и самого главнокомандующаго видно ясно, что трудно было бороться не столько съ Пугачевымъ, сколько съ измѣной крестьянъ, солдатъ и всѣхъ сословій. Приходилось устрашать жестокостью, брать людей въ залогъ. Державинъ, исполняя приказанія Бибикова, выказалъ необыкновенную предпріимчивость и энергію; самъ академикъ-біографъ признаетъ однако, что при всемъ томъ дѣятельность Державина въ эту эпоху не привела къ особенно виднымъ результатамъ. Кромѣ того чрезмѣрной настойчивостью и явнымъ искательствомъ Державинъ возбудилъ неудовольствіе графа Панина. Сама Екатерина обратила вниманіе Панина на разнорѣчіе въ рапортѣ Державина о гибели Саратова съ другими данными и поручала разслѣдовать, «соотвѣтствуютъ-ли храбрость его и искусство словамъ». Астраханскій губернаторъ называлъ гвардіи поручика Державина *вѣтреннымъ человѣкомъ*, между тѣмъ какъ самъ онъ всюду думалъ играть рѣшающую роль и требовалъ повиновенія отъ комендантовъ. Въ одномъ донесеніи Голицыну онъ проситъ приказать, чтобы ему «еще больше внимали». «О, когда-бы я *Вами* былъ довольно силенъ, то кажется на что-бъ я не пустился къ службѣ моему отечеству и моей всемилостивѣйшей императрицѣ», говоритъ онъ. Между тѣмъ Державинъ оставилъ Саратовъ передъ самымъ приходомъ туда Пугачева. Правъ-ли онъ былъ, или нѣтъ въ своихъ пререканіяхъ съ властями о планѣ защиты, фактъ его удаленія повелъ къ слѣдствію и требованію объясненій. Державинъ представилъ многословное письменное оправданіе и кипу бумагъ, требуя суда надъ собой. Все это Панина не удовлетворило. Онъ отнесся къ дѣлу внимательно и самъ отвѣтилъ Державину безъ гнѣва, видя въ немъ

дарованія и усердіе, но весьма иронически, очевидно желая дать ему урокъ. Вождь арміи находитъ, что офицеръ прежде всего долженъ находиться на своемъ посту, и совѣтуетъ ему не искать суда, такъ какъ предъ закономъ важны дѣйствія, а не «сокровенность человѣческихъ сердецъ, изъявляемыхъ словами».

Екатерина одобрила вполнѣ дѣйствія Панина, отвѣтъ его Державину и выразила надежду, что урокъ его образумитъ.

Вскорѣ Державинъ явился самъ къ гр. Панину, добился аудіенціи и, по разсказу его въ запискахъ, объяснилъ всѣ свои дѣйствія, тронулъ своей откровенностью, и графъ сказалъ ему наконецъ: «садись, я—твой покровитель». Вслѣдъ затѣмъ Державинъ отправился въ Казань къ Потемкину пріобрѣтать его благосклонность.

Бунтъ кончился поимкой Пугачева. Гр. Панинъ, увидя его въ цѣпяхъ, воскликнулъ: «Боже милосердный! Въ гнѣвѣ Твоемъ *праведно* наказалъ насъ симъ злодѣемъ». Потомъ онъ велѣлъ увести злодѣя и говорилъ предстоящему дворянству трогательную рѣчь на счетъ поведенія живущихъ въ деревняхъ дворянъ.

Окончательное покореніе Поволжья совершилось только по прибытіи на мѣсто дѣйствій Суворова, которому Панинъ далъ полную свободу дѣйствій. Румянцевъ долго не рѣшался отпустить Суворова изъ подъ стѣнъ Силистріи, опасаясь, по его словамъ, подать тѣмъ Европѣ слишкомъ великое понятіе о внутреннихъ безпокойствахъ въ государствѣ. Въ концѣ концовъ это стало необходимо, и только его энергія и искусство потушили ужасающій пожаръ, грозившій самой Москвѣ. Пугачевъ скоро сознался въ самозванствѣ. *Богу было угодно*—сказалъ онъ—*наказать Россію черезъ мое окаянство*. Везли его въ деревянной клѣткѣ на двухколесной телѣгѣ. Сильный отрядъ при двухъ пушкахъ окружалъ его. Суворовъ отъ него не отлучался. Когда близъ избы, гдѣ они ночевали въ пути, случился пожаръ, Пугачева высадили, привязали къ телѣгѣ и во всю ночь Суворовъ самъ караулилъ его. Въ Москвѣ съ утра до ночи втеченіи двухъ мѣсяцевъ любопытные могли видѣть его прикованнаго къ стѣнѣ на Монетномъ Дворѣ, «еще страшнаго въ своемъ безсиліи», говоритъ Пушкинъ. Казнь его совершилась въ Москвѣ-же 10-го января 1775 года.

Со времени поимки Пугачева началась немедленно раздача наградъ. Екатерина не скупилась, но Державинъ былъ обойденъ, къ великому его огорченію. Неудача однако его не остановила. Онъ принялся энергично дѣйствовать, отыскивая покровителей. Просилъ писать за него главному начальнику, новому въ то время уже временщику Потемкину, писалъ ему самъ, исчисляя свои

заслуги. Наконецъ захватилъ самого Потемкина, такъ сказать врасплохъ, въ деревнѣ Черная Грязь, гдѣ жила въ небольшомъ домикѣ императрица и помѣщался Потемкинъ. Ворвавшись въ уборную графа, на перекоръ камеръ-лакею, онъ подалъ ему просьбу. Графъ, прочитавъ, обѣщалъ доложить государынѣ. Нетерпѣливый поручикъ сталъ являться часто за отвѣтомъ, и Потемкинъ однажды наконецъ, по словамъ самого Державина, «отскочилъ отъ него съ негодованіемъ». Въ ожиданіи награды Державинъ предался опять игрѣ и выигралъ у гр. Апраксина 40 тысячъ. Счастье стало однако измѣнять ему, и хотя *можно-бы*, говоритъ онъ, выиграть несравненно превосходнѣе суммы, но фортуна перемѣнилась. Тогда онъ снова написалъ Потемкину. Наконецъ Безбородко объявилъ ему, что государыня приказала спросить, какой онъ требуетъ награды. Обративъ на себя ея вниманіе, Державинъ думалъ выказать безкорыстіе и отвѣтилъ, что доволенъ однимъ этимъ милостивымъ вниманіемъ. На повторенный отъ имени гр. Потемкина вопросъ онъ уже отвѣтилъ прямо, что за производство дѣлъ по секретной коммиссіи желаетъ получить деревни, а за спасеніе отъ Пугачева нѣмецкихъ колоній, какъ за военное дѣйствіе,—чинъ полковника. «Хорошо,—сказалъ князь:—вы получите». Въ концѣ концовъ Державинъ пожалованъ въ коллежскіе совѣтники и получилъ 300 душъ въ Бѣлоруссіи. Очевидно, награждая его усердіе, Екатерина, согласно съ мнѣніемъ Панина, не одобряла характера его дѣйствій и нашла неудобнымъ оставить его на службѣ въ арміи.

Державину впрочемъ не пришлось жалѣть объ этомъ.

Первымъ дѣломъ теперь написалъ онъ въ прозѣ дифирамбъ: изліяніе благодарнаго сердца императрицѣ Екатеринѣ II.

Черезъ пріятелей своихъ Державинъ вошелъ въ домъ князя Александра Алексѣевича Вяземскаго и скоро сталъ у него домашнимъ человѣкомъ. Князь почти во все время царствованія Екатерины былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ сановниковъ. Въ званіи генералъ-прокурора онъ соединялъ въ своемъ лицѣ обязанности трехъ нынѣшнихъ министровъ: юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, и сверхъ того начальника тайной полиціи.

Супруги Вяземскіе полюбили Державина; князь охотно игралъ въ карты *по маленькой*, и Державинъ попалъ въ число его постоянныхъ партнеровъ, читалъ ему вслухъ романы, проводилъ въ домѣ и на дачѣ цѣлые дни. Между тѣмъ въ сенатѣ открылась вакансія. Державинъ немедленно пріѣхалъ на дачу князя, засталъ послѣдняго за туалетомъ и просилъ о назначеніи. Въ

прихожей князя дожидалась какая-то бѣдная женщина. Князь велѣлъ Державину взять у нея челобитную и, прочитавъ, объяснить содержаніе. Провѣривъ по бумагѣ, онъ остался доволенъ изложеніемъ и сказалъ: «Вы получите желаемое мѣсто». Въ тотъ-же день состоялось назначеніе Державина сенатскимъ экзекуторомъ. Продолжая бывать въ домѣ князя, Державину не трудно было при его смѣлости и развязности познакомиться со всѣми сенаторами и разными важными лицами. Княгиня стала сватать ему даже родственницу, княжну Урусову, любительницу литературы, но некрасивую. Къ чести Державина, онъ отказался отъ брака по разсчету и отдѣлался шуткой: «она пишетъ стихи, говорилъ онъ, — да и я мараю; занесемся оба на Парнасъ, такъ не кому будетъ и щи сварить». Скоро онъ нашелъ себѣ невѣсту по душѣ. Глядя изъ окна квартиры Козодавлева на крестный ходъ, онъ замѣтилъ дѣвушку, которая ему очень понравилась. Это была дочь любимаго камердинера Петра III, португальца Бастидона. Мать ея была кормилицей великаго князя. Дѣвушку звали Катериной, ей было всего семнадцать лѣтъ, а Державину въ это время 35. Онъ видѣлъ ее послѣ того еще раза два и влюбился. Друзья, угадавъ тайну, помогли ему въ сватовствѣ. Одинъ изъ нихъ, директоръ банка, предложилъ свезти его въ домъ дѣвушки. Державинъ такъ описываетъ пріемъ:

Въ сѣняхъ встрѣтила пріятелей босая дѣвка съ сальной свѣчой въ мѣдномъ подсвѣчникѣ; хозяйка приняла ихъ въ гостиной, гдѣ послѣ та же служанка разносила чай. Катерина Яковлевна все время вязала чулокъ и иногда съ большой скромностью вмѣшивалась въ разговоръ. Державинъ, очарованный ея простотой, *опрятностью*, умомъ и любезностью, на слѣдующій день сдѣлалъ предложеніе, и оно было принято. Впослѣдствіи онъ сталъ звать ее *Пленирой*, и это имя часто повторялось въ его стихахъ. На сговоръ свой онъ написалъ стихотвореніе «Къ невѣстѣ». Воспитаніе ея было обыкновенное, она не много читала, но «плѣнялась всѣмъ изящнымъ и не могла скрыть отвращенія ото всего низкаго». Дѣвушка усердно занималась рукодѣльемъ, рисованьемъ и писала для шутки стихи. До свадьбы женихъ и невѣста были представлены наслѣднику; онъ обѣщалъ дать ей приданое «сколько въ его силахъ будетъ». Года черезъ два поэтъ напомнилъ объ этомъ, кому слѣдовало. Державинъ никогда не раскаялся въ своемъ выборѣ, и жена его стала центромъ кружка литературныхъ его пріятелей.

Повышеніе по службѣ не заставило себя ждать, и Державинъ

еще ближе сталъ къ своему покровителю кн. Вяземскому. Онъ самъ весело изображаетъ свое положеніе въ одѣ *На счастье*:

«Судья, дьяки и прокуроры,
Въ передней про себя брюзжа,
Умильные мнѣ мещутъ взоры
И жаждутъ слова моего.
А я всѣхъ мимо по паркету
Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету
И въ грошъ не ставлю никого».

Новое порученіе, возложенное на Державина, стало источникомъ недоразумѣній и неудовольствій между нимъ и княземъ. Онъ составилъ уставъ или «начертаніе» для финансовыхъ экспедицій, включенное въ «Полное собраніе законовъ». Усердіе его и знаніе здѣсь обнаружились, но все-же этотъ уставъ былъ сочиненъ «по мыслямъ князя», какъ сознаетъ самъ авторъ. Между тѣмъ заносчивость и честолюбіе побудили его немедленно требовать награды. Дѣйствительно, Державина произвели въ статскіе совѣтники, но уже благодаря покровительству Безбородко. Такое искательство возбудило неудовольствіе князя, и начались несогласія.

Державинъ съ этого времени при разныхъ случаяхъ осуждаетъ князя и указываетъ на его неправильныя дѣйствія. Благодаря близости къ князю, ему это было не трудно. За княземъ водились крупные грѣхи. Екатерина сама знала это, но смотрѣла сквозь пальцы, видя въ немъ незамѣнимаго слугу, а главное у него всегда были на готовѣ деньги «для всѣхъ возможныхъ случаевъ и это еще при такомъ ненасытномъ мотѣ, какъ я», писала она Гримму. По увѣренію Державина, князь управлялъ государственнымъ казначействомъ самовластно, въ противность законамъ, раздавалъ жалованье и пенсіи по своему произволу, безъ высочайшихъ указовъ, и утаивалъ доходы съ тѣмъ, чтобы выслуживаться предъ государыней, какъ-бы вдругъ открывши новый источникъ. Другіе современники подтверждаютъ это обвиненье. Порошинъ передаетъ разговоръ съ Никитой Панинымъ, который много удивлялся, какъ фортуна поставила князя столь высоко; при этомъ упоминалось о разныхъ случаяхъ, которые могутъ оправдать такое удивленье. Какъ-бы ни было, нельзя не признать, что Державинъ, по личнымъ мотивамъ, обманулъ довѣріе своего покровителя. Въ неудовольствіяхъ конечно виноваты были обѣ стороны. Вяземскаго обвиняютъ въ томъ еще, что онъ гналъ со службы литераторовъ. «Когда имъ заниматься дѣлами, когда у нихъ рифмы на умѣ», говорилъ онъ. Возможно и то, что онъ возненавидѣлъ поэтовъ, благодаря Державину, который намекалъ на него въ сатирическихъ

стихахъ по поводу барельефа нагой Истины въ сенатѣ. Поэтъ увѣряетъ, что князь нашелъ видъ ея соблазнительнымъ для сената и приказалъ ему нѣсколько ее «прикрыть». Къ Вяземскому относятъ знаменитую «Челобитную Минервѣ» Фонъ-Визина, гдѣ авторъ жалуется на вельможъ-невѣждъ, преслѣдующихъ поэтовъ, и, указывая на рѣшенье не принимать ихъ на службу, проситъ «таковое нашъ вѣкъ ругающее опредѣленіе отмѣнить» и т. д.

Державинъ въ это время уже сталъ извѣстенъ, какъ поэтъ и какъ авторъ «Фелицы». Награды и милости Екатерины его ободрили, и онъ обратился къ Вяземскому съ письменной просьбой объ отставкѣ. Князь велѣлъ ему подать просьбу черезъ герольдію въ сенатъ, по формѣ. Долгое время князь не выпускалъ доклада, а между тѣмъ молва о ссорѣ дошла до государыни. Наконецъ докладъ сената былъ ей представленъ; утвердивъ его 15 февраля 1784 года, она поручила Безбородкѣ сказать «пѣвцу Фелицы», что будетъ имѣть его въ виду. При увольненіи ему пожалованъ былъ, по закону, чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Такимъ образомъ достигъ Державинъ «степеней извѣстныхъ».

* *
*

Впервые обратилъ на себя вниманіе Державинъ въ литературѣ появленіемъ двухъ его *Пѣсенъ Петру Великому*. Одна изъ нихъ, говорятъ, вошла въ большое употребленіе у масоновъ, такъ какъ они особенно чтили Петра за его простоту и смиреніе въ груди. Стихи отвѣчали этому настроенію:

Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ;
Вождей искусству научая,
Онъ самъ полки на брань водилъ.
Владыка будучи полъ-свѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ.

Державинъ не рѣшался еще подписывать имя, но тѣмъ не менѣе эти опыты вводили его въ кругъ такихъ сотрудниковъ журнала, какъ Княжнинъ, Капнистъ и Хемницеръ. Вліяніе ихъ на малообразованнаго поэта скоро дало свои плоды, а пока неизвѣстность была кстати. Державинъ самъ разсказываетъ, какъ однажды на обѣдѣ у Хераскова извѣстный литераторъ, масонъ и придворный Иванъ Перфильевичъ Елагинъ сталъ критиковать въ его присутствіи оду *какого-то* Державина. Напрасно толкала хозяйка, онъ говорилъ, ни о чемъ не догадываясь. Державинъ смутился и краснѣлъ. Послѣ обѣда Елагинъ, узнавъ о своей не-

осторожности, готовъ былъ какъ нибудь загладить вину, но Державина уже не нашли. Прошло нѣсколько дней—Державинъ не показывается. Наконецъ онъ является снова съ веселымъ лицомъ. «Два дня сидѣлъ дома съ закрытыми ставнями,—объяснилъ онъ,—все горевалъ о моей одѣ; въ первую ночь даже глазъ не смыкалъ, а сегодня рѣшился ѣхать къ Елагину, заявить себя сочинителемъ осмѣянной оды и показать ему, что и дурной лирикъ можетъ быть человѣкомъ порядочнымъ и заслужить его вниманіе,—такъ и сдѣлалъ. Елагинъ былъ растроганъ, осыпалъ меня ласками, упросилъ остаться обѣдать, и оттуда я прямо къ Вамъ».

Несомнѣнно, въ это время Державинъ сталъ яснѣе сознавать свое призваніе и отвѣтственность таланта. Онъ ищетъ пути и, благодаря вліянію друзей, начинаетъ отставать отъ рабскаго подражанія Ломоносову въ напыщенной одѣ, какъ напримѣръ въ «*эпистолѣ*» къ Шувалову. «Знаменитые невѣжды» по выраженію Фонъ-Визина, не признавали еще поэзію серьезнымъ занятіемъ, но подъ покровительствомъ Екатерины литература пріобрѣтала значеніе. Правда, она называла свои литературныя занятія *бумагомараньемъ*, однако не могла видѣть пера чистаго, чтобы «не обмакнуть онаго въ чернила», писала она Гримму. Она *хотѣла* держаться правила: не воспрещать честнымъ людямъ свободно изъясняться, и если не выдержала роли до конца, во всякомъ случаѣ начало извѣстности Державина совпадало съ тѣмъ временемъ, когда Вольтеръ называлъ ее монархиней, qui pense en grand homme et qui permet qu'on pense (мыслящей какъ великій человѣкъ и разрѣшающей мыслить).

Въ это время возникъ рядъ журналовъ и образовался кругъ писателей и любителей литературы. Уже раньше въ домѣ князя Вяземскаго Державинъ познакомился съ Козодавлевымъ и Храповицкимъ, людьми весьма образованными литературно; теперь къ числу упомянутыхъ сотрудниковъ «Вѣстника» надо прибавить имя Львова, и тогда вліяніе современниковъ на Державина опредѣлится вполнѣ.

Львовъ, Николай Александровичъ, также не получилъ основательнаго воспитанія, но, будучи необыкновенно даровитъ и любознателенъ, много читалъ, путешествовалъ и усвоилъ себѣ свѣтское образованіе. Литературное его развитіе совершилось главнымъ образомъ подъ вліяніемъ французскихъ и итальянскихъ писателей. Онъ любилъ легкую, шуточную поэзію, самъ писалъ стихи въ этомъ родѣ и между друзьями своими слылъ русскимъ Шапелемъ—извѣстно, что въ то время каждый русскій писатель непремѣнно

долженъ былъ уподобляться какому-нибудь иностранному образцу. Въ поэзіи Львовъ ставилъ выше всего простоту и естественность, причемъ зналъ уже цѣну народнаго языка и сказочныхъ преданій. Разнообразіемъ своихъ талантовъ и обширной дѣятельностью при его положеніи въ высшемъ обществѣ ему нетрудно было пріобрѣсти репутацію тонкаго знатока искусствъ и свѣтскаго критика. Такую репутацію составилъ онъ себѣ при дворѣ и въ литературѣ.

Къ одной эстетической школѣ со Львовымъ принадлежалъ и другъ его Хемницеръ. Первые литературные опыты его были слабы, но съ переходомъ къ баснѣ онъ становится какъ-бы новымъ человѣкомъ, усвоиваетъ себѣ простоту и естественность въ соединеніи съ народнымъ духомъ, какъ необходимымъ элементомъ новаго рода поэзіи. Это совершилось, какъ видно изъ рукописи его, не безъ вліянія Львова и Капниста. Державинъ впослѣдствіи всегда оставался горячимъ поклонникомъ его басень.

Въ то самое время, когда Хемницеръ готовилъ ихъ къ печати, Державинъ присоединился къ названному кружку лицъ и невольно подчинился вліянію ихъ эстетическихъ взглядовъ, тѣмъ болѣе, что самъ уже не былъ собою доволенъ. Потребность стать ближе къ правдѣ и природѣ онъ созналъ, ознакомившись съ теоріей Баттё, которая главнымъ требованіемъ ставила «подражаніе изящной природѣ».

«Съ 1779 г.,—говоритъ Державинъ въ запискахъ,—избралъ я совершенно особый путь, руководствуясь наставленіями Баттё и совѣтами друзей моихъ, Н. А. Львова, В. В. Капниста и Хемницера, причемъ *наиболѣе подражалъ Горацію*».

Въ самомъ дѣлѣ, «эпистола» къ Шувалову отзывалась подражаніемъ посланію Ломоносова къ тому-же вельможѣ, и вдругъ черезъ мѣсяцъ послѣ нея въ *Вѣстникѣ* явилась пьеса, въ которой никто не могъ-бы узнать того-же автора, и многіе спрашивали: «кто писалъ это? кто этотъ новый талантъ, такъ много обѣщающій?» Это была ода *на смерть князя Мещерскаго*, поразившая читателей небывалою звучностью стиха, силою и сжатостью поэтическаго выраженія, наконецъ величіемъ образовъ, вѣщающихъ печальную истину о непрочности жизни и блага ея. Здѣсь въ первый разъ талантъ Державина обнаружился съ полнымъ блескомъ. Основная мысль оды—грозное владычество смерти—встрѣчается часто у Горація и нерѣдко также разрабатываема была поэтами европейскими XVII и XVIII вѣковъ.

Державинъ бывалъ на лукулловскихъ пирахъ князя, и вѣсть о смерти его поразила. Здѣсь уже не отвлеченіе только, но и кар-

тина, не лишенная красокъ и жизни. Ничтожество всего живущаго предъ смертью олицетворяется въ ея видѣніи:

Глядитъ на всѣхъ и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры,
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры и т. д.

Въ заключеніе—утѣшительный аккордъ: умереть надо сегодня или завтра, все равно, «жизнь есть небесъ мгновенный даръ». Идеалъ благополучія—душевный покой и мирная жизнь. Источникъ мирной жизни поэта — ключъ стихотворства. Въ поэзіи отражается красота природы.

Разнообразіе таланта Державина проявляется вслѣдъ затѣмъ въ стихахъ на рожденіе Александра Павловича въ день, «когда солнце оборачивается на весну».

Державинъ самъ назвалъ эту оду «аллегорическимъ сочиненіемъ». Пьеса своей игривой легкостью, граціей и самой формой рѣзко отличается отъ торжественныхъ одъ и потому отнесена имъ самимъ къ разряду анакреонтическихъ стихотвореній. Эти послѣднія показываютъ въ немъ живое сочувствіе къ древнему міру.

Въ самомъ дѣлѣ, его «застольная пѣсня» *Кружка* въ этомъ родѣ поэзіи годомъ раньше уже пользовалась извѣстностью, была положена на музыку придворнымъ гуслистомъ Трутовскимъ и сдѣлалась любимою пѣснью на дружескихъ пирахъ. Въ ней много живого веселья и остроумія, не утратившаго и теперь значенія извѣстнаго рода житейской философіи.

Бывало дольше длился вѣкъ,
Когда діэтъ не наблюдали.
Былъ здравъ и счастливъ человѣкъ,
Какъ только пили, да гуляли.
Давно гулять и намъ пора,
Здоровымъ быть
И пить. . . . .
Ура, ура, ура!

Всѣ упомянутые здѣсь стихи впослѣдствіи приводили въ восторгъ нѣсколько поколѣній и заучивались наизусть. И дѣйствительно, живость красокъ, разнообразіе и пластичность картинъ, прелесть языка, неслыханныя до того плавность и музыкальность стиха не могли не производить сильнаго впечатлѣнія.

Въ поэзіи Державина начинаютъ уже отражаться гуманныя идеи, порожденныя началомъ царствованія Екатерины и западнымъ вліяніемъ. Отдавая справедливость поэту, надо замѣтить, что не только однѣ блестящія побѣды воспѣвалъ онъ. когда напримѣръ въ одѣ на рожденіе Александра говоритъ: «Будь страстей

своихъ владѣтель, Будь на престолѣ человѣкъ». Эти строки не разъ отозвались въ сердцѣ юноши, будущаго преемника Екатерины.

Въ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ одъ являются не менѣе важные тоны, мысли и картины, въ нихъ поэтъ напоминаетъ человѣку строгіе уроки жизни, превосходство и торжество духовнаго міра надъ тѣлеснымъ, обманчивый блескъ почестей и наслажденій. Противуположность смерти и жизни, горя и радости выражается то въ яркихъ образахъ, то въ шутливой, но тѣмъ не менѣе сатирической формѣ. Насколько могла тогда поэзія вліять непосредственно на современниковъ или отразиться въ воспитаніи новаго поколѣнія, это вопросъ другой, заслуживающій болѣе серьезной разработки. Блестящія, живыя картины отвѣчали богатому воображенію Державина и заслужили ему опредѣленіе поэта-живописца. Мысль о поученіи, какъ одномъ изъ элементовъ поэзіи, развивалась подъ вліяніемъ современнаго французскаго и общеевропейскаго вліянія, укрѣплялась примѣромъ Екатерины и находила живой откликъ въ поклоненіи древнимъ, особенно Горацію. Благодаря этому элементу, мы видимъ въ Державинѣ поэта-философа. Благодаря тому же, стихотворенія Державина страдаютъ всѣ почти длиннотой, резонерствомъ; риторика безъ образовъ преобладаетъ, но поэзія эта удовлетворяла вкусу и потребностямъ своего времени. Стихотворенія Державина въ «СПБ. Вѣстникѣ» все еще печатались безъ подписи, но издатель, печатая ихъ, сообщилъ автору, что «публика творенія его одобряетъ», и Державинъ не безъ основанія говоритъ въ одѣ на смерть кн. Мещерскаго о себѣ:

«Зоветъ, я слышу, славы шумъ».

III.

«Фелица»

Въ поэзіи Державина, какъ въ фокусѣ волшебнаго фонаря, всплываетъ блестящая феерія знаменитой эпохи. Мы знаемъ заранѣе, чего въ ней искать. Вѣкъ Екатерины —отраженіе вѣка Людовика XIV во Франціи. На ряду съ заимствованіемъ и подражаніемъ этотъ вѣкъ сохраняетъ своеобразныя черты національнаго характера. Мы видимъ честолюбивые замыслы, громкія побѣды, расцвѣтъ литературы, «философію на тронѣ», роскошный дворъ, напыщенныхъ раболѣпныхъ вельможъ вокругъ величавой царственной «жены», изысканную любезность и восточный деспотизмъ, «Наказъ», идеи Локка о воспитаніи, сатиру на нравы и восточную распущенность... видимъ и слышимъ, словомъ,

отраженіе знаменитаго вѣка контрастовъ, отраженіе эпохи, не повторяющейся дважды въ исторіи народа.

На вопросъ: кто ты? Державинъ имѣлъ-бы право отвѣтить: «что въ имени тебѣ моемъ: я—пѣвецъ Фелицы». Вѣкъ Екатерины, по непреложнымъ законамъ Провидѣнія, долженъ былъ имѣть свою «придворную поэзію», и если не вдохновеннымъ, то все-же выразительнымъ, талантливымъ представителемъ этой поэзіи становится Державинъ.

Онъ вступилъ на истинный свой творческій путь, когда *дерзнулъ* первый „въ забавномъ русскомъ слогѣ о добродѣтеляхъ Фелицы возгласить, въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ и истину царямъ съ улыбкой говорить».

Въ поэзіи Державина истина и лесть сплетаются чрезвычайно искусно. «Владыки свѣта—люди тѣ-же,—говоритъ онъ:— въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы», однако и страсти эти пріобрѣтаютъ подъ перомъ его благородный или изящный характеръ, и сатира не вредитъ личнымъ отношеніямъ автора. «Какъ солнце, какъ луну поставлю», обращается онъ къ Екатеринѣ... «тобой безсмертенъ буду самъ», поясняя въ примѣчаніи, что и древніе поэты своихъ героевъ помѣщали въ число созвѣздій и свѣтилъ небесныхъ, защищаясь такимъ образомъ отъ упрека въ экзальтаціи.

Въ яркихъ краскахъ рисуетъ «Фелица» дворъ Екатерины и жизнь вельможъ ея, исполненную фантастической роскоши, барской прихоти и страсти къ наслажденіямъ. Современники узнавали здѣсь себя, видѣли знакомые лица и нравы. Во дворцѣ Екатерины въ Царскомъ Селѣ была прекрасная колоннада-галлерея, на которую вела широкая каменная лѣстница, украшенная бюстами Геркулеса и Флоры. Здѣсь государыня часто ходила, особенно въ воскресенье, когда въ саду бывало много гуляющихъ. Въ уборной она слушала дѣла, доклады и видѣла у ногъ своихъ господарей, кавказскихъ владѣтелей, гонимыхъ государей, пріѣзжавшихъ просить помощи или убѣжища, знаменитыхъ ученыхъ и поэтовъ. Здѣсь и Державинъ къ ней приближался, то какъ поэтъ, то какъ докладчикъ, и въ числѣ мраморныхъ полукумировъ, украшавшихъ галлерею, гдѣ былъ и Ломоносовъ, нашъ поэтъ мечталъ уже тогда имѣть современемъ право занять мѣсто, только, по его словамъ, какъ пѣвецъ Екатерины... «Ты—славою, твоимъ я эхомъ буду жить».

Не столько бюсты украшали дворецъ, какъ знаменитые орлы

Екатерины, ея вельможи и фавориты. Они напрягали всѣ усилія доставлять Екатеринѣ любимыя развлеченія, а лира Державина содѣйствовала имъ, то описывая праздники въ яркихъ краскахъ, то воспѣвая присутствующихъ.

Екатерина умѣла располагать къ себѣ, привязывать людей не только любезностью и умомъ, но и щедростью. Своимъ любимцамъ она не отказывала ни въ чемъ, смотрѣла не разъ сквозь пальцы на явное хищенье и не была довольна, если услужливые люди доводили объ этомъ до ея свѣдѣнья. Расточительность вельможъ нерѣдко превосходила чуть-ли не ея собственную. Недаромъ Потемкина называетъ Державинъ вторымъ Сарданапаломъ. Описаніе на половину въ прозѣ, на половину въ стихахъ потемкинскаго праздника у нашего поэта—историческій документъ, яркая картина эпохи. Мы видимъ здѣсь Семирамиду сѣвера въ обстановкѣ, вполнѣ отвѣчающей ея характеру, величію и ея исторической роли.

Праздникъ вызванъ перемѣной въ расположеніи императрицы къ ея фавориту. Потемкинъ встревоженъ. Онъ видитъ подтвержденіе слуховъ, доходившихъ до него о перевѣсѣ вліянія Зубова. Болѣзненная тоска, тайныя предчувствія снѣдаютъ душу честолюбца. Его замыслы и побѣды уже не удовлетворяютъ повелительницу, и онъ задумываетъ испытать послѣднее средство вернуть ея нѣжность, доказать, что въ преданности къ ней никто не можетъ съ нимъ сравняться. Онъ рѣшаетъ дать ей въ своемъ Таврическомъ дворцѣ праздникъ, который неслыханнымъ великолѣпіемъ долженъ затмить всѣ прежнія празднества этого рода.

Не только Державинъ былъ пораженъ, но сама Екатерина, не узнавая превращенныхъ залъ, спрашивала: «неужели мы тамъ, гдѣ были прежде?» Сто тысячъ огней внутри дома: карнизы, окна, простѣнки—все усыпано чистыми кристаллами горящаго бѣлаго воску. Фонари висятъ съ высотъ, отражая свѣтъ въ хрусталѣ и камняхъ... Стѣны, окна усыпаны горящими звѣздами, цѣпями изъ драгоцѣнныхъ сверкающихъ каменьевъ — эффектъ свѣта—зарево, радуга, тѣнь. Искусство вездѣ подражаетъ природѣ. Цѣлыя рощи апельсиновъ, лимоновъ, виноградъ на тычинахъ, ананасы, лиліи, тюльпаны... Пруды, золотыя рыбы, соловьи, которыхъ пѣснь смѣшивается съ музыкой. Въ зимнемъ саду—храмъ. Князь опускается здѣсь въ присутствіи Екатерины и двора на колѣна предъ алтаремъ, гдѣ изображеніе Фелицы, и благодаритъ монархиню за ея благодѣянія. Она милостиво подымаетъ его и цѣлуетъ въ лобъ.

Послѣ ужина императрица удаляется съ бала. «Уже поданы были колесницы. Внезапно послышалось нѣжное пѣнье съ тихими звуками органа съ висящихъ хоровъ, закрытыхъ разноцвѣтными стеклянными фонарями. Все молится и внимаетъ хору, воспѣвающему Екатерину. Потемкинъ повергается опять къ ногамъ монархини. Сама императрица была тронута до слезъ. Многіе потомъ видѣли въ этомъ и въ волненіи Потемкина предзнаменованіе его близкой смерти. Онъ видѣлъ Екатерину въ самомъ дѣлѣ послѣдній разъ въ своемъ домѣ.

Державинъ не разъ старался изобразить идеалъ вельможи, котораго первый долгъ «змѣей предъ трономъ не сгибаться, стоять— и правду говорить». Княгиня Дашкова, будучи директоромъ Академіи Наукъ и издавая «Собесѣдникъ», просила Державина написать что-нибудь въ честь Потемкина, въ угожденіе императрицѣ. Исполняя эту просьбу, поэтъ назвалъ вельможу *Рѣшемысломъ*, по имени лица, выведеннаго Екатериной въ «Сказкѣ о царевичѣ Февеѣ» и подъ которымъ она разумѣла сама Потемкина. Не зная его совсѣмъ лично, Державинъ хвалилъ въ его лицѣ достоинства вельможи вообще и въ одной изъ позднѣйшихъ рукописей къ заглавію оды «Рѣшемыслу» прибавилъ слова: «или изображеніе, каковымъ быть вельможамъ должно». Идеалъ этотъ не отступалъ отъ извѣстнаго шаблона, установившагося изъ давняго времени. Сумароковъ въ письмѣ о достоинствѣ говорилъ: «честь наша не въ титлахъ состоитъ; тотъ *сіятельный*, который сердцемъ и разумомъ сіяетъ, тотъ превосходительный, который другихъ людей достоинствомъ превосходитъ, и тотъ бояринъ, который болѣетъ за отечество».—Любопытно, что Державинъ, несмотря на непочтеніе къ Сумарокову, не нашелъ ни новаго, ни болѣе искренняго слова въ изображеніи «Вельможи» и рисуетъ идеалъ тѣми-же почти словами: «Я—князь, коль мой сіяетъ духъ; Владѣлецъ,— коль страстьми владѣю; Бояринъ,—коль за всѣхъ болѣю, Царю, закону, церкви другъ». Насколько идеалъ былъ близокъ къ дѣйствительности, видно уже изъ записокъ самого Державина.

* *
*

Державинъ говоритъ, что ода «Фелица» написана имъ была во вкусѣ императрицы, такъ какъ она любила забавныя шутки. Любопытно въ этихъ словахъ выраженіе самосознанія поэта. Путемъ критическаго анализа, путемъ сравнительнаго изученія исторіи, быта и литературы мы придемъ къ тому-же выраженію

характеристики поэта и отношенія его къ современности. Вкусъ, образы, идеи—все дышетъ, если можно такъ сказать, Екатериной въ каждой строкѣ оды. Удивляться-ли тому? Фонъ-Визинъ стоялъ нѣкоторымъ образомъ въ оппозиціи къ Екатеринѣ и тѣмъ не менѣе идеи «Наказа» легли въ основаніе современной «Фелицѣ комедіи «Недоросль». Державинъ все, кромѣ поэтическаго выраженія мыслей, кромѣ картинныхъ описаній дѣйствительности, заимствуетъ у самой Екатерины. Кромѣ шуточнаго тона, любезнаго ей, въ основаніе содержанія Державинъ беретъ ея-же сказку о царевичѣ Хлорѣ и пользуется такимъ образомъ модной аллегоріей восточныхъ сказокъ.

Подобно тому, какъ въ «Недорослѣ» устами Стародума говорятъ французскіе философы и русскіе стародумы, въ «Фелицѣ» многія строфы представляютъ собой риѳмованное переложеніе статей «Наказа» и другихъ Уложеній. Фелицы слава,—говоритъ онъ:—слава Бога, который не только въ общей формѣ проявляетъ великодушіе и благость, но

«Который даровалъ свободу
Въ чужія области скакать,
Позволилъ своему народу
Сребра и золота искать,
Который воду разрѣшаетъ
И лѣсъ рубить не запрещаетъ,
Велитъ и ткать, и прясть, и шить и т. д.».

Всѣ строки здѣсь суть «начертанія» Екатерины. Она подтвердила данную Петромъ III дворянству свободу путешествовать по чужимъ краямъ; издала указъ о правѣ землевладѣльцевъ разрабатывать въ собственную пользу золото и серебро въ своихъ участкахъ, дозволила свободное плаванье по морямъ и рѣкамъ для торговли, распространила право собственности владѣльцевъ на лѣса, въ дачахъ ихъ растущіе, разрѣшила свободное развитіе мануфактуры и торговли... по образному выраженію поэта, этими указами она какъ-бы *велитъ* гражданамъ извлекать, гдѣ можно, пользу, «развязывая умъ и руки, велитъ любить торги, науки и т. д.». Послѣ «Наказа» она продолжаетъ творить законы, сочинять дворянскую грамоту, уставъ благочинія и въ нихъ «блаженство смертнымъ проливаетъ». Державинъ въ запискахъ говоритъ, что императрица, подобно Трояну, была очень снисходительна къ людямъ, отзывавшимся злорѣчиво о ея слабостяхъ. Въ «Наказѣ», правда, говорится, что слова могутъ быть сказаны въ разныхъ смыслахъ, и нельзя отъ нихъ поэтому заключить объ оскорбленіи Величества и наказывать, какъ за дѣйствіе. Такимъ

образомъ она «о себѣ не запрещала и быль, и небыль говорить». Въ началѣ царствованія Екатерины «слово и дѣло» перестало быть грозой всякаго честнѣйшаго и самаго кроткаго гражданина. Стало возможнымъ даже «въ обѣдахъ за здравіе царей не пить», не боясь казни, тогда какъ при Аннѣ Іоанновнѣ достаточно было подобнаго доноса, чтобы попасть въ Тайную канцелярію. Перестало считаться преступленьемъ подскоблить описку въ строкѣ съ именемъ императрицы «или портретъ неосторожно ея на землю уронить». За переносъ титула прежде писцы наказывались плетьми. Если-же кто ронялъ монету съ изображеніемъ государыни, достаточно было произнести «слово и дѣло», и несчастный подвергался «розыску» въ *Тайной*.

На ряду съ государственной доблестью Екатерины, поэтъ не забываетъ хвалить ея достоинства просто человѣка и женщины: простоту ея образа жизни, трудолюбіе, кротость, любезность, правосудіе и наконецъ любовь къ литературѣ. Всѣ качества ея ярко выступаютъ при сравненіи; послѣднее особенно оригинально выражено въ строфѣ, гдѣ Державинъ, подсмѣиваясь надъ современной модой монарховъ заниматься ручнымъ трудомъ и намекая на упражненія Людовика XVI въ слесарной работѣ и короля испанскаго будто-бы въ дѣланіи макаронъ, говоритъ:

«Въ тѣ дни какъ *Мудрость* среди троновъ
Одна не мѣситъ макароновъ,
Не ходитъ въ кузницу ковать,
А развѣ временемъ лишь скучнымъ
Изволитъ музъ къ себѣ пускать
И перышкомъ своимъ искуснымъ,
Не ссорясь никакъ ни съ кѣмъ,
Для общей и своей *забавы*
Комедьи пишетъ, *чиститъ нравы*
И припѣваетъ хемъ, хемъ, хемъ»...

Въ словахъ, подчеркнутыхъ нами, ясно выражается характеръ отношенія къ литературѣ самой Екатерины, Державина и современниковъ, и выраженіе это цѣнно для насъ своей непосредственностью, наивнымъ самосознаніемъ. Въ одномъ только не могла Екатерина служить Державину образцомъ; она, по его-же выраженію. «коня Парнасска не сѣдлаетъ», т. е. не пишетъ стиховъ. «De ma vie je n'ai su faire ni vers, ni musique» (въ жизни моей не умѣла сочинить ни стиховъ, ни музыки), писала она Вольтеру. Либретто для оперъ ея писалъ Храповицкій; въ шуточной поэмѣ «Леоніана», героемъ которой былъ Левъ Нарышкинъ, ей принадлежалъ планъ смѣшныхъ похожденій, а стихи сочинялись Де-Линемъ, когда онъ сопровождалъ ее въ путешествіи по Волгѣ.

«Фелица» была не первой попыткой воспѣть Екатерину; точно также и другая сторона этой оды—сатирическая, въ описаніи двора и вельможъ, также не въ первый разъ здѣсь проявилась. Въ стихотвореніи «Модное остроуміе» Державинъ уже въ 1776 году пытался изобразить современное ему легкое отношеніе общества къ вопросамъ чести и добра. Въ окончательной формѣ стихи эти напечатаны только въ 1783 году въ «Собесѣдникѣ» и въ первый разъ сближаютъ Державина съ сатирой Фонъ-Визина, Екатерины и журналовъ того времени. «Модное остроуміе» заключается въ томъ, чтобы не «мыслить ни о чемъ и презирать сомнѣнье, на все давать тотчасъ свободное рѣшенье», мало знать, много говорить, льстить, затѣмъ:

«Любить по прибыли, по случаю дружиться,
Душою подличать, а внѣшностью гордиться...»

Сатирическіе намеки въ одѣ «Фелица» находятъ объясненіе, какъ въ запискахъ самого поэта, такъ и въ фактахъ, освѣщенныхъ исторіей. Если поэтъ ставитъ въ заслугу Екатеринѣ, что она «коня Парнасска не сѣдлаетъ», то разумѣется, указывая этимъ на нелѣпость и наглость опытовъ бездарныхъ кропателей одъ; «къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь», говоритъ онъ, указывая на масоновъ, которыхъ осмѣивала сама Екатерина. Масонство конечно было явленіе серьезное и заслуживало больше почтенія, но адепты его часто доходили до нелѣпости и становились смѣшны. Многіе вельможи занимались охотно магнетизмомъ и алхиміей и, по недостатку образованія и серьезныхъ научныхъ свѣдѣній, занятія эти обращались часто въ забаву. Съ другой стороны явленія двора, внѣшняя жизнь, черты нравовъ давали матерьялъ для описанія, живыхъ образовъ и картинъ.

Когда Державинъ хвалитъ Екатерину, говоря «подобно въ карты не играешь, какъ я, отъ утра до утра», онъ рисуетъ немаловажную живую черту вѣка. Въ то время при дворѣ карты составляли ежедневное занятіе и часто влекли за собой важныя послѣдствія. Не говоря уже о томъ, что ставились на ставку *стада* живыхъ людей, за ними забывались важнѣйшія политическія дѣла и соображенія. Во дворѣ Елисаветы приближенныя къ ней дамы играли въ фараонъ съ утра до вечера и ночью. Екатерина II, будучи великой княжной, также должна была принимать участіе въ этихъ забавахъ.

Тѣ-же вельможи, воспѣтые Державинымъ, клали земные поклоны при входѣ къ государынѣ въ уборную, и гордый Петръ Панинъ подписывался въ письмахъ и донесеніяхъ Екатеринѣ «всеподан-

нѣйшій рабъ», хотя она-же вскорѣ сама запретила называть просьбы *челобитными* и повелѣла подписываться не *рабъ*, а «вѣрноподданный»; Капнистъ написалъ по этому поводу оду: «На истребленіе въ Россіи названія рабъ». Нравы были крѣпче указовъ. Шутовство при дворѣ Екатерины конечно казалось современникамъ нисколько не унизительнымъ по сравненію съ прежнимъ временемъ, и Державинъ за то возноситъ Екатерину, что при ней: «свадебъ шутовскихъ не правятъ, въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ, не щелкаютъ въ усы вельможъ, *князья насѣдками не клохчутъ*, любимцы въявь имъ не хохочутъ и сажей не мараютъ рожъ». Картина эта относилась къ царствованію Анны Іоанновны. Когда она въ придворной церкви слушала обѣдню, шуты садились въ лукошки въ той комнатѣ, черезъ которую императрица проходила изъ церкви во внутренніе покои, и кудахтали, какъ насѣдки, что производило общій хохотъ. Говорятъ, въ Петергофскомъ дворцѣ долгое время можно было видѣть лукошко, въ которомъ сиживалъ князь Голицынъ.

Не въ столь обидной формѣ, но все-же шутовскую роль при Екатеринѣ игралъ Левъ Нарышкинъ. Въ немъ цѣнила Екатерина умъ и комическій талантъ, но то и другое обращались нарочно въ одно посмѣшище. Она называла его то «прирожденнымъ арлекиномъ», то «слабой головой», но неизмѣнно сохраняла къ нему всегда благосклонность.

Какъ знаменитый вопросъ 14-й Фонъ-Визина: «отчего прежде шуты, и балагуры въ прежнее время чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе», мѣтилъ на Нарышкина съ ему подобными, тѣмъ-же вопросомъ повидимому вызвана была басня Державина «Левъ и Волкъ». Волкъ жалуется, что онъ не получилъ ленты, тогда какъ «Пификъ съ лентою и съ лентою оселъ и т. д.» Левъ далъ отвѣтъ: «Вѣдь ты не токмо не служилъ, но даже никогда умно и не шутилъ».

* *
*

Авторъ «Фелицы» разсказываетъ, что, написавъ ее, показалъ друзьямъ своимъ Львову, Капнисту и Хемницеру, а затѣмъ спряталъ, «опасаясь, чтобы нѣкоторые вельможи не приняли чего на свой счетъ и не сдѣлались его врагами». Случайно увидѣлъ ее однажды Козодавлевъ, выпросилъ домой, обѣщая никому, кромѣ тетки, поклонницы Державина, не показывать, и, какъ всегда въ этихъ случаяхъ бываетъ, рукопись стала ходить по рукамъ. Прочли ее Шуваловъ и другіе. Она появилась вскорѣ напеча-

танной въ первой-же книжкѣ «Собесѣдника» безъ подписи и подъ заглавіемъ: «Ода къ премудрой киргизъ-кайсацкой царевнѣ Фелицѣ («богиня блаженства», по объясненію поэта), писанная нѣкоторымъ мурзой, издавна поселившимся въ Москвѣ и живущимъ по дѣламъ своимъ въ С.-Петербургѣ. Переведена съ арабскаго языка 1782 г.». Такъ думалъ оградить себя поэтъ отъ мести оскорбленныхъ, если-бы они случились. Къ словамъ «съ арабскаго языка» сдѣлано было редакціей примѣчаніе: «хотя имя сочинителя намъ не извѣстно, но извѣстно намъ то, что сія ода точно сочинена на россійскомъ языкѣ».

Княгиня Дашкова поднесла книгу императрицѣ. Послѣдняя прислала за Дашковой на другое утро, и княгиня застала ее въ слезахъ. По словамъ Державина, Екатерина спросила Дашкову, кто писалъ эту оду: «Не опасайтесь,—прибавила она,—я спрашиваю только, кто-бы такъ коротко могъ знать меня и умѣлъ такъ пріятно описать, что я, видишь, какъ дура, плачу». Нѣсколько дней спустя, за обѣдомъ у князя Вяземскаго Державину подали пакетъ съ надписью: «изъ Оренбурга отъ киргизъ-кайсацкой царевны Державину». Въ пакетѣ оказалась табакерка золотая, осыпанная бриліантами, и въ ней 500 червонцевъ. «За что-бы это?», спросилъ князь съ неудовольствіемъ. «Не знаю,—отвѣчалъ Державинъ,—развѣ не за сочиненье-ли, которое княгиня напечатала въ «Собесѣдникѣ» безъ моего согласія?» Съ этого времени, говоритъ онъ, между ними начались неудовольствія. Въ восторгѣ отъ милости Екатерины, Державинъ разсыпался письменно въ благодарности княгинѣ Дашковой, Безбородкѣ, черезъ котораго шла награда, и Козодавлеву. Послѣднему онъ пишетъ между прочимъ: «Я для Фелицы сдѣлался Рафаэлемъ. Рафаэль, чтобъ лучше изобразить Божество, представилъ небесное сіяніе между черныхъ тучъ. Я добродѣтели царевны противоположилъ моимъ глупостямъ. Не знаю, какъ обществу покажется такого рода сочиненіе, какого на русскомъ языкѣ еще не было и т. д.».

Вскорѣ послѣдовало представленіе Державина императрицѣ во дворцѣ, въ Кавалергадской залѣ, при многихъ другихъ лицахъ. «Богиня на меня воззрѣла», говоритъ поэтъ въ «Видѣніи Мурзы»... Государыня остановилась отъ него поодаль, нѣсколько разъ окинула его быстрымъ взоромъ отъ ногъ до головы и наконецъ подала ему руку. Ея величественнаго вида при этомъ, говоритъ Державинъ, онъ никогда не могъ забыть. Подъ впечатлѣніемъ минуты онъ началъ стихотвореніе, которое долго оставалось неоконченнымъ, но потомъ вылилось въ формѣ одного

изъ лучшихъ его произведеній, а именно въ одѣ «Видѣніе Мурзы». Державину является *мечта* и говоритъ, что задачей поэта должна быть не лесть и похвала, но поученіе.

«Кто ты, богиня или жрица?
Мечту стоящу я спросилъ.
Она рекла мнѣ: «я—Фелица!»
Рекла и свѣтлый облакъ скрылъ
Отъ глазъ моихъ ненасыщенныхъ
Божественны ея черты».

Впрочемъ она-же въ началѣ обращается къ нему какъ будто съ угрозой со словами: «вострепещи, Мурза, несчастный»...

Авторъ говоритъ, что Екатерина хотя разослала вельможамъ стихи «Фелицы» съ отмѣтками, что къ кому относится, но дѣлала видъ при дворѣ, какъ-бы не догадываясь, что похвалы Фелицѣ относятся къ ней, и удивляясь смѣлости, съ какой ода написана.

* *
*

Слава Державина, какъ поэта, достигла своего апогея съ появленіемъ оды *Богъ* въ XIII книжкѣ «Собесѣдника»; въ основѣ появленія этой оды лежали общія причины. Вопросы религіозно-нравственнаго и воспитательнаго характера въ то время были сильно распространены и рѣшались въ духѣ вѣка. Духовная поэзія была въ большомъ ходу. Почти у каждаго поэта восемнадцатаго столѣтія, не исключая Вольтера, можно было найти одно или нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ восхваленію величія Божія.

Этому направленію путемъ невольной подражательности слѣдовали и мы, начиная съ Ломоносова и Сумарокова. Съ тѣхъ поръ, какъ Державинъ сталъ участвовать въ журналахъ, на страницахъ ихъ нерѣдко являлись стихи подобнаго содержанія. Правда, духовныя оды въ Европѣ въ то время уже доживали свой вѣкъ, когда державинская ода получила у насъ широкое распространеніе, но въ этомъ сказалось лишь общее явленіе запоздалости у насъ западнаго вліянія.

Ода *Богъ* была начата поэтомъ еще въ 1780 году въ Свѣтлое Христово воскресеніе, по возвращеніи отъ заутрени, но служба и столичныя развлеченія долго не давали ему возможности снова приняться за нее. Выйдя въ отставку послѣ несогласій съ начальствомъ, Державинъ уединился для окончанія оды. Сказавъ женѣ, что ѣдетъ въ имѣнье, онъ остановился въ Нарвѣ и тамъ нанялъ себѣ на нѣсколько дней у старушки-нѣмки маленькую комнату. Воображеніе его было сильно разгорячено, судя по разсказу его въ запискахъ. Не докончивъ послѣдней строфы, онъ

уснулъ передъ зарей; вдругъ ему показалось, что кругомъ по стѣнамъ бѣгаетъ яркій свѣтъ; слезы ручьями полились у него изъ глазъ; онъ всталъ и при свѣтѣ лампады разомъ написалъ послѣднюю строфу. Нѣтъ основаній не вѣрить этому разсказу, въ которомъ явно видны черты, напоминающія характеръ среднихъ вѣковъ въ Европѣ. Бенвенуто Челлини, лежа въ темницѣ на каменномъ полу, уснулъ и *видѣлъ* Дѣву Марію. Проснувшись, онъ взялъ кусокъ воску, говоритъ онъ, и старался изобразить ее такой, какой онъ самъ ее видѣлъ. Ему казалось невозможнымъ, чтобы она не была такою именно, хотя другіе также *видѣли* ее, и видѣли опять каждый по своему.

Державинъ увѣряетъ, что съ дѣтства у него было воспоминаніе, по которому онъ считалъ себя особенно призваннымъ къ выполненію этой задачи: мать ему разсказывала, что на другой годъ послѣ его рожденія явилась комета и что, глядя на нее, онъ произнесъ первое свое слово: *Богъ*. Подобныя легенды легко создаетъ впослѣдствіи воображеніе, но тѣмъ не менѣе непосредственность, наивность чувства остаются характерными чертами времени. Призваніе Державина въ данномъ случаѣ, какъ показало время, не было исключительнымъ.

Ода забыта; это не была «Мадонна» Рафаэля или «Сотвореніе Міра» Микель Анджело на стѣнахъ Сикстинской капеллы, не «Освобожденный Іерусалимъ» Торквато Тассо, словомъ—не то вѣчное произведеніе, гдѣ духъ и форма сливаются въ полной и тѣсной гармоніи, но успѣхъ оды у современниковъ превзошелъ ожиданія самого автора; она производила общій восторгъ, выучивалась наизусть, перепечатывалась не разъ отдѣльно, переводилась на разные языки и болѣе всѣхъ другихъ его произведеній содѣйствовала извѣстности его имени даже въ Европѣ. «Дѣйствительно,— говоритъ академикъ Гротъ,—безпристрастная критика *не можетъ не признать* за этой одой неотъемлемыхъ достоинствъ; кромѣ блестящихъ картинъ природы и возвышенныхъ мыслей, она замѣчательна лирическимъ одушевленіемъ и искренностью, которыя рѣзко отличаютъ ее отъ большей части произведеній этого рода на другихъ языкахъ. Далѣе по вопросу о томъ, насколько Державинъ заимствовалъ свое произведеніе у другихъ, онъ-же замѣчаетъ:

«Оду *Богъ* называли подражаніемъ, но, по нашему мнѣнію, это несправедливо. Правда, въ ней есть мысли, встрѣчаемыя у Юнга, Галлера, Клопштока; но такого рода безсознательныя заимствованія или невольныя воспоминанія есть у всѣхъ поэтовъ и составляютъ неизбѣжное послѣдствіе ихъ чтеній; сущность пьесы заключается въ настроеніи поэта, въ общемъ

содержанія, въ главныхъ мысляхъ его, а не въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ чертахъ, разсѣянныхъ въ художественномъ созданіи».

Взглядъ этотъ явился конечно результатомъ сравненія оды «Богъ» съ нѣмецкими и итальянскими образцами.

«Нельзя даже сказать, зналъ-ли онъ ихъ,—говоритъ Я. К. Гротъ.—Двѣ, три отдѣльныя мысли могли случайно сойтись, но нѣтъ никакого сходства ни въ ходѣ идей, ни въ свойствѣ представленій. Нѣтъ тѣхъ отвлеченныхъ, математическихъ, а отчасти мистическихъ представленій о кругахъ и числахъ, которыми съ любовью занимаются нѣмецкіе и итальянскіе поэты».

Съ другой стороны давно было замѣчено сходство нѣкоторыхъ мыслей оды со стихами Юнга. Уже въ 1812 году «Вѣстникъ Европы» сравнивая ее съ «Ночами» послѣдняго.

Первый переводъ оды на французскій языкъ принадлежитъ юношѣ Жуковскому. Затѣмъ стали появляться переводы и на другихъ языкахъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, англійскомъ, испанскомъ, польскомъ, чешскомъ, латинскомъ и даже на японскомъ.

Послѣдній явился случайнымъ слѣдствіемъ плѣна Головнина (впослѣдствіи адмирала). Однажды, разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ, ученые туземцы просили его сказать имъ русскіе стихи. Онъ прочелъ оду *Богъ* и во время чтенія они отличали риѳмы и находили пріятность въ звукахъ. Имъ захотѣлось имѣть переводъ и, по увѣренію Головнина, ему удалось перевести и передать смыслъ содержанія такъ, что они все поняли, кромѣ стиха: «Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества», на объясненіе котораго они и не настаивали, когда онъ имъ сказалъ, что для пониманія этихъ словъ надо быть истиннымъ христіаниномъ (?). Далѣе губернаторъ просилъ написать оду кистью на атласѣ и отправилъ императору. «Японцы увѣряли насъ,—говоритъ Головнинъ,—что она будетъ выставлена на стѣнѣ въ его чертогахъ, на подобіе картины». Въ устномъ пересказѣ этого событія современники смѣшали японскій языкъ съ китайскимъ, намѣреніе принято было за исполненіе, и распространялось увѣреніе, что ода написана золотыми буквами на стѣнѣ во дворцѣ богдыхана въ Пекинѣ на подобіе картины.

По словамъ Головнина, японцамъ особенно понравилась мысль, выраженная въ одной строфѣ словами: «и цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной»..., при чемъ «они показали, что постоянное шествіе природы отъ самыхъ высокихъ къ самымъ низкимъ его твореніямъ и имъ не безъизвѣстно».

Нельзя согласиться съ тѣмъ, что бы ода Державина исключала въ себѣ метафизику. Вспомнимъ знаменитое начало:

«О ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньяхъ вещества,
Теченьемъ времени Превѣчный,
Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества».

Державинъ самъ поясняетъ, что, «кромѣ богословскаго православной нашей вѣры понятія, разумѣлъ онъ тутъ *три лица метафизическія*, т. е. безконечное пространство, безпрерывную

жизнь въ движеніи вещества и неоканчаемое теченіе времени, которыя Богъ въ себѣ совмѣщаетъ».

Державинская ода вызвала множество подражаній, въ томъ числѣ: *Гимнъ Богу* Дмитріева, *Гимнъ Непостижимому* Мерзлякова, *Пѣснь Божеству* Карамзина и др.

Знаменитый въ своемъ родѣ одописецъ графъ Хвостовъ не только сочинилъ оду *Богъ*, но цѣнилъ ее гораздо выше Державинской, что, какъ съ нимъ всегда бывало, повело къ комическому эпизоду. По дорогѣ въ Царское въ каретѣ онъ сталъ спрашивать секретаря своего, также «поэта», которая ода по его мнѣнію лучше. Когда послѣдній откровенно высказался въ пользу Державина, разгнѣванный самолюбивый авторъ рѣшилъ высадить его среди дороги и не хотѣлъ ни за что везти дальше.

Разсказъ этотъ, слышанный устно академикомъ Я. К. Гротомъ отъ «живого» свидѣтеля кн. Цертелева, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ ревниво въ былое время относились къ литературѣ ея хотя бы и бездарные, но страстные любители.

Расцвѣтъ литературы и сознаніе въ то-же время несовершенства языка, недостатка правилъ возбудили мысль объ основаніи Россійской Академіи. При самомъ учрежденіи ея въ 1783 году Державинъ, уже знаменитый поэтъ, избранъ въ члены и принялъ участіе въ организаціи, въ «начертаніи» плана.

Нельзя отнять у Державина заслуги сближенія поэзіи съ жизнью, помимо сравнительнаго совершенства формы и языка.

«Превосходный стихъ Державина,—по замѣчанію Шелгунова,—дѣлалъ его такимъ популяризаторомъ новыхъ идей, которыя онъ изъ кружка интеллигенціи и вельможества проводилъ въ начинавшую читать публику, что воспитательное его значеніе было конечно гораздо больше, чѣмъ въ первой половинѣ 19-го вѣка воспитательное значеніе Пушкина».

Я. К. Гротъ съ своей стороны, опредѣляя значеніе Державина для его времени, замѣчаетъ, что онъ вполнѣ удовлетворялъ тогдашнимъ эстетическимъ требованіямъ. «Такимъ образомъ онъ безспорно отвѣчалъ потребностямъ своего времени, и вотъ въ чемъ можетъ быть заключалась одна изъ главныхъ причинъ его успѣха».

IV.

Служебная и литературная дѣятельность при Екатеринѣ.

Въ жизни Державина важнѣйшіе моменты литературной дѣятельности и служебной карьеры находятся всегда въ нѣкоторой связи. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ выходъ книжки

«Собесѣдника» съ одою *Богъ* Державинъ назначенъ правителемъ Олонецкаго намѣстничества. Возвышенію Державина содѣйствовала скорѣе «Фелица», но кромѣ того, что Екатерина не желала прямо выказать это, князь Вяземскій задерживалъ докладъ объ увольненіи нашего поэта отъ сенатской службы. Назначеніе состоялось такимъ образомъ только въ 1784 г.

Державинъ давно мечталъ о губернаторствѣ, особенно на своей родинѣ, но это не удалось ему ни теперь, ни впослѣдствіи. Олонецкое намѣстничество пока существовало только на бумагѣ. Екатерину съ самаго вступленія на престолъ занимало дѣло преобразованія губернскаго управленія. При воцареніи ея губерній было 16, — число, не соотвѣтствовавшее обширности государства. Она издала «учрежденіе о губерніяхъ», по плану котораго на каждую полагалось отъ 300 до 400 тыс. душъ, вслѣдствіе чего число губерній увеличилось до сорока. Крымъ составилъ особую область. Въ каждой губерніи долженъ былъ находиться государевъ *намѣстникъ*, или *генералъ-губернаторъ*, и подчиненный ему *правитель* намѣстничества, или *губернаторъ*, на котораго и возлагалась вся отвѣтственность по управленію. Этотъ планъ организаціи нашелъ своего рода «поэтическое» изображеніе у Державина въ стихахъ:

«Престолъ ея на Скандинавскихъ,
Камчатскихъ и златыхъ горахъ,
Отъ странъ Таймурскихъ до Кубанскихъ
Поставь на *сорокъ двухъ столпахъ*».

Въ то же время сдѣлана была попытка внести свѣтъ въ лабиринтъ старыхъ воеводскихъ и прочихъ учрежденій («Тебѣ единой лишь пристойно, царевна, свѣтъ изъ тьмы творить») въ особенности отдѣленіемъ судебной власти отъ административной. Недостаткомъ новой организаціи являлась между прочимъ неточность предѣловъ власти новыхъ чиновъ. Генералъ-губернаторы, облеченные полнымъ довѣріемъ государыни, могли руководствоваться однимъ произволомъ и быть сами себѣ закономъ. Они пользовались почти царскими почестями, имъ были подчинены войска; при выѣздахъ они сопровождались отрядомъ легкой конницы, адъютантами и молодыми дворянами, изъ которыхъ подъ ихъ «руководствомъ должны были образоваться полезные слуги государства».

«На пышныхъ, карточныхъ престолахъ сидятъ мишурные цари»,—говоритъ Державинъ въ одѣ «На счастье», разумѣя намѣстниковъ, которые хотя зависѣли отъ мановенія императ-

рицы, но чрезвычайно дурачились, представляя ея лицо, сидя великолѣпно на тронахъ, когда допускали къ себѣ при открытіи губерній народныхъ депутатовъ и выборныхъ судей...

Назначеніе Державина состоялось 22-го мая 1784 г. и указомъ того-же дня Петрозаводскъ сдѣлалъ губернскимъ городомъ. Тамъ уже находились и присутственныя мѣста, переведенныя изъ Олонца, находились повидимому въ плачевномъ видѣ, потому что Державинъ по пріѣздѣ туда меблировалъ ихъ даже «на свой счетъ». Петрозаводскъ населяли купцы, мѣщане и разночинцы, всѣхъ жителей считалось въ немъ около 3000. Олонецкая губернія по своему тогдашнему населенію (206.000 жит.) составляла только $^2/_3$ опредѣленной для губерніи мѣры, но обширное пространство въ 2.800 кв. м. давало ей право на отдѣльное существованіе.

Прибывъ въ городъ, Державинъ занялъ небольшой, одноэтажный домъ въ концѣ Англійской улицы, названной такъ потому, что въ ней жили выписанные изъ Англіи мастера для извѣстнаго пушечно-литейнаго завода. «Открытіе губерніи» продолжалось цѣлую недѣлю и сопровождалось рѣчами генералъ-губернатора Тутолмина и пиршествами у него-же, пушечной пальбой и угощеніемъ народа на площади.

Сначала намѣстникъ и губернаторъ жили между собой дружно и проводили другъ у друга вечера, но это согласіе было непродолжительно. Скоро Тутолминъ уже называетъ Державина въ письмѣ въ Петербургъ «изряднымъ стихотворцемъ, но плохимъ губернаторомъ». Послѣднее едва-ли было справедливо. Державинъ несомнѣнно могъ быть прекраснымъ исполнителемъ «начертаній», обладая прежде всего недюжиннымъ умомъ и энергіей. Причина несогласій заключалась въ неуживчивости его характера, наклонности переходить предѣлы своей власти, въ усердіи выставить на первый планъ себя и свои заслуги. Державинъ со своей стороны не безъ основаній обвинялъ Тутолмина въ самовластіи, въ желаніи придать своимъ предложеніямъ силу указовъ, обезличить судъ и палаты. До какихъ мелочей и личныхъ счетовъ доходили неудовольствія между двумя сановниками, свидѣтельствуетъ письмо Державина къ Львову. Тутолминъ сталъ высказывать Державину свое превосходство и требовать субординаціи. Державинъ пишетъ, что при осмотрѣ присутственныхъ мѣстъ встрѣтилъ и принялъ начальника, какъ слѣдуетъ, въ правленіи и, несмотря на прежнія несогласія и

придирки, не выказалъ никакого неудовольствія и проводилъ затѣмъ въ совѣстный судъ.

«Тутъ онъ бранью, непристойною судей (?), безвинно сдѣлалъ мнѣ много огорченья, но я и послѣ того вышелъ за нимъ въ сѣни, хотѣлъ провожать его по судамъ; но онъ надѣлъ съ неучтивостью и раздраженіемъ шапку, пошелъ въ карету и не пригласилъ меня; а какъ у меня кареты не было, то я и возвратился въ Правленіе, за непристойное почтя бѣгать за нимъ пѣшкомъ, а паче быть свидѣтелемъ его ругательствъ судьямъ, на счетъ мой относящихся. Не взирая на сіе, ввечеру мы съ Катериной Яковлевной поѣхали къ нему...»

Раздраженный очевидно многимъ предыдущимъ, Тутолминъ не пощадилъ Державина и въ своемъ домѣ. Насколько кто былъ правъ, трудно судить. Насколько-же можно судить со словъ самого Державина, не замѣтно, чтобы онъ выказалъ особую независимость и достоинство въ чисто-личныхъ отношеніяхъ къ Тутолмину. На другое утро послѣ ревизіи послѣдній уѣхалъ въ Петербургъ, а вслѣдъ за нимъ съ нарочнымъ, экзекуторомъ губернскаго правленія Н. Ф. Эминымъ, преданнымъ губернатору, послѣдній отправилъ «донесеніе» императрицѣ, вложенное въ письмо на имя Безбородки, съ особой просьбой о заступничествѣ. Что̀ было въ «донесеніи», въ точности неизвѣстно. Ходили слухи, что Тутолминъ былъ призванъ особо по этому поводу во дворецъ и просилъ на колѣняхъ милости въ кабинетѣ императрицы. Съ другой стороны разсказывали, что Екатерина отозвалась о неосновательности донесенія и замѣтила, что не нашла въ бумагѣ этой ничего кромѣ поэзіи. Приписывали Тутолмину даже ходатайство о пожалованіи Державину ордена. Донесеніе Державина явилось результатомъ ревизіи, которую онъ произвелъ тотчасъ по отъѣздѣ Тутолмина въ присутственныхъ мѣстахъ, находившихся въ исключительномъ вѣдѣніи намѣстника. Мѣра была отчаянная. Державинъ нашелъ въ дѣлахъ «великое неустройство и всякаго рода отступленія отъ законовъ». Документы ревизіи Державинъ отправилъ Тутолмину при рапортѣ, въ которомъ не скрылъ отъ него, что вмѣстѣ съ тѣмъ обо всемъ донесъ императрицѣ. Все кончилось къ общему пока удовольствію. Екатерина нашла удобнымъ повѣрить объясненіямъ Тутолмина и въ то-же время оставить на мѣстѣ Державина, въ качествѣ недремлющаго ока.

Оставаясь на службѣ послѣ ссоры съ всесильнымъ намѣстникомъ, Державинъ могъ только выиграть въ своемъ вліяніи и положеніи. Борьба однако была неравная. Пререканія возрастали. Враги Державина легко пользовались его слабостями. Распростра-

нился слухъ, что Державинъ побилъ одного совѣтника правленія. Едва-ли можно быть увѣреннымъ въ томъ, что этого и не было. Казанскій губернаторъ, по словамъ Державина, не успѣлъ въ хлопотахъ объ орденѣ, потому что «трактовалъ почтмейстера пощечинами», почему не могъ разсердиться и олонецкій?

Въ исторію олонецкаго губернаторства Державина входитъ эпизодъ, достойный кисти Гоголя. Въ губернаторскомъ домѣ жилъ ручной медвѣжонокъ. Однажды онъ, слѣдомъ за однимъ изъ приходившихъ туда чиновниковъ Молчинымъ, зашелъ въ судъ. Можетъ быть послѣдній нарочно устроилъ шутку. Присутствія въ тотъ день не было. Войдя въ комнату, Молчинъ шутя предложилъ находившимся тамъ засѣдателямъ идти на встрѣчу новому члену Михаилу Ивановичу, а затѣмъ вышелъ и впустилъ медвѣжонка. Враждебная Державину партія воспользовалась этимъ. Въ появленіи губернаторскаго звѣря усмотрѣно было неуваженіе къ судебному мѣсту, сторожъ выгналъ его палкой, и приверженцы Державина въ свою очередь увидѣли въ этомъ неуваженіе къ самому губернатору. Дѣло раздули до того, что оно восходило къ сенату, который наконецъ оставилъ жалобу Тутолмина на неправильныя дѣйствія Державина по поводу этого дѣла безъ послѣдствій. Князь Вяземскій впрочемъ говорилъ въ общемъ собраніи сената: «Вотъ, милостивцы, какъ дѣйствуетъ нашъ умница-стихотворецъ; онъ дѣлаетъ медвѣдей предсѣдателями».

Въ «Наказѣ» вмѣнено было въ обязанность губернаторамъ объѣзжать губернію и составлять описаніе ея. Въ Олонецкой губерніи путешествіе этого рода связано было со многими лишеніями и препятствіями. Тѣмъ не менѣе, по порученію Тутолмина, Державинъ совершилъ объѣздъ водою, побывалъ въ городѣ Пудожѣ, недавно «открытомъ» самимъ намѣстникомъ, и въ свою очередь «открылъ» городъ Кемь. Само собой, что это учрежденіе городовъ было исключительно дѣломъ бумажнаго производства, если не считать водосвятія, пироговъ и рѣчей. Ни присутственныхъ мѣстъ, ни помѣщеній для нихъ, ни людей негдѣ было взять. Впрочемъ донесенія и описанія Державина во многомъ заслуживали вниманія, обнаруживая усердіе, наблюдательность и здравый смыслъ. Конечно Державинъ не упускалъ случая критиковать дѣйствія намѣстника и, хотя въ основаніи такой критики лежало личное неудовольствіе, замѣчанія его были часто основательны. Такъ, онъ опровергаетъ мнѣніе Тутолмина о «предосудительныхъ свойствахъ обитателей страны, наклонности къ обидѣ, обманамъ и вѣроломству».

Державинъ очень мѣтко замѣчаетъ, что если-бы они были таковы, «то не работали бы вѣчно у своихъ заимодавцевъ за долгъ, имѣя на своей сторонѣ законы, не упражнялись бы въ промыслахъ, требующихъ нерѣдко устойки и вѣрности уговору, не были-бы послушны и терпѣливы въ случаѣ притѣсненій и грабительствъ, чинимыхъ имъ отъ старостъ и прочихъ начальствъ и судовъ, въ глухой сей и отдаленной сторонѣ безстрашно прежде на всякія наглости поступавшихъ. Нравы не сварливые и довольно

мирные явственны мнѣ стали изъ того, что при случаѣ повелѣнія экономіи директора отнимать пахотныя земли, они хотя съ ропотомъ и негодованіемъ, но были довольно смирны при такомъ обстоятельствѣ, при каковомъ въ другихъ губерніяхъ безъ убійствъ и большого зла дѣло не обошлось-бы и т. д.».

Тутолминъ докладывалъ, что вообще во всѣхъ уѣздахъ *несравненно* болѣе зажиточныхъ, нежели бѣдныхъ поселянъ. Державинъ, возражая, говоритъ, что въ зажиточности и причина, что такъ много бѣдныхъ.

«Они, наживъ достаточекъ подрядомъ или какимъ другимъ образомъ, раздаютъ оный въ безбожный процентъ, кабалятъ долгами почти въ вѣчную работу себѣ бѣдныхъ заемщиковъ, а черезъ-то усиливаются и богатѣютъ болѣе, нежели гдѣ внутри Россіи, ибо, при недостаткѣ хлѣба и прочихъ къ пропитанію нужныхъ вещей, прибѣгнуть не къ кому, какъ къ богачу, въ ближнемъ селеніи живущему. Сіе злоупотребленіе нужно *кажется* пресѣчь».

Такъ рисуетъ поэтъ-гражданинъ исконное бѣдствіе русскаго народа во всей его наготѣ. Нельзя не подивиться, какъ могъ онъ, насмотрѣвшись на эту картину, относиться потомъ почти презрительно къ стремленіямъ идеалистовъ того времени въ лицѣ Радищева, а затѣмъ къ освободительнымъ идеямъ Александра I и его сподвижниковъ.

По возвращеніи въ Петрозаводскъ раздоры вспыхнули съ новой силой. Наконецъ Державинъ, подъ предлогомъ обозрѣнія еще двухъ уѣздовъ, выѣхалъ снова и отправился въ Петербургъ, гдѣ, благодаря ходатайству друзей, покровительству вельможъ и вниманію Екатерины къ автору «Фелицы», вскорѣ добился указа о переводѣ его губернаторомъ въ Тамбовъ.

* *
*

Въ числѣ ходатаевъ за Державина, кромѣ прежнихъ его покровителей, встрѣчаемъ имя Ермолова, временнаго фаворита императрицы, не успѣвшаго однако подорвать престижъ Потемкина. Въ своихъ запискахъ Державинъ говоритъ, что онъ обѣщалъ купить Ермолову въ Тамбовской губерніи рысистую лошадь и впослѣдствіи обѣщаніе это исполнилъ, *но переслать до паденія Ермолова не успѣлъ*. Точно также «опоздало» и извѣщеніе Гаврилы Романовича, что, по желанію фаворита, пріискана ему для покупки деревня близъ Тамбова.

На переѣздъ въ Тамбовъ пришлось употребить цѣлый мѣсяцъ съ остановками и хлѣбосольными пріемами въ Москвѣ и Рязани, гдѣ было мѣстопребываніе самого намѣстника Гудовича.

Тамбовъ, хотя втрое значительнѣе по числу жителей, мало

разнился разумѣется благоустройствомъ отъ Петрозаводска. Казенныя зданія походили на развалины. Мѣста присутственныя, по словамъ Державина, «не токмо самыя бѣдныя и тѣсныя хижины, но и весьма ветхи. По улицамъ въ дождливое время не было проѣзда, мѣстами и скотъ, и люди утопали въ грязи».

Державинъ скоро освоился съ новымъ положеніемъ. Уже одно то, что намѣстникъ не жилъ въ Тамбовѣ, было выгодно для губернатора. Здѣсь не мозолили ему глаза пышность и надменность Тутолмина, и Державинъ являлся въ городѣ первымъ лицомъ. Предѣлы власти тоже обозначались явственнѣе, не контролировался каждый шагъ. «Совершенный теперь губернаторъ, а не пономарь», писала Катерина Яковлевна семьѣ Капнистовъ. Самъ Державинъ говорилъ, что воскресъ душой и тѣломъ. Кромѣ всего и домъ здѣсь былъ лучше, и хозяйство дешевле и богаче.

Скоро Гудовичъ побывалъ въ Тамбовѣ и провелъ тамъ недѣлю. Онъ встрѣченъ былъ «съ нелицемѣрною отъ всѣхъ радостью», писалъ Державинъ графу Воронцову. Намѣстникъ и губернаторъ очаровали другъ друга любезностью. Случилось такъ, что съ пріѣздомъ Гудовича совпалъ праздникъ восшествія на престолъ. Державинъ приготовилъ въ честь гостя — представителя престола — особо написанную имъ театральную пьесу.

Гудовичъ конечно былъ крайне доволенъ всѣмъ этимъ и съ своей стороны, уѣзжая, предоставилъ Державину всяческія полномочія по службѣ. Новый губернаторъ прежде всего занялся городомъ и перестройкой зданій. Особенно хотѣлось ему устроить домъ общественныхъ собраній, клубъ, или по тогдашнему «редутъ», и этимъ повліять на развитіе общественной жизни и интересовъ въ духѣ просвѣтительныхъ идей Екатерины. Въ ожиданіи клуба Державинъ устраивалъ въ своемъ домѣ вечернія собранія, танцы и музыку. У себя-же онъ открылъ для дѣтей мѣстныхъ дворянъ школу для обученія грамотѣ, ариөметикѣ и танцамъ. Послѣднее искусство считалось въ то время едва-ли не самымъ полезнымъ и можетъ быть дѣйствительно имѣло не малое воспитательное значеніе, замѣняя собой болѣе грубыя, часто дикія развлеченія недорослей.

Не малой заботой Державина было также устройство театра въ городѣ. Гудовичъ ассигновалъ ему 1,000 р. асс. на устройство и столько-же ежегодно на содержаніе. Въ домѣ своемъ устраивалъ онъ любительскіе спектакли и поставилъ «Недоросля».

Новый губернаторъ зажилъ на широкую ногу и сдѣлалъ домъ свой центромъ мѣстнаго дворянства. Львовъ въ письмахъ къ поэту-

губернатору удивлялся его расточительности и освѣдомлялся объ источникѣ расходовъ, зная «невеликія» средства Державина.

Поле дѣятельности открывалось обширное. Суды, губернскія тюрьмы, дороги, казенные сборы—все находилось въ первобытномъ состояніи, или-же, подобно училищамъ и многимъ другимъ учрежденіямъ, введеннымъ указами, числилось только на бумагѣ. Ужасное состояніе тюремъ вынудило Державина принять немедленно кой-какія мѣры. Описаніе мѣстъ заключенія въ его запискѣ не лишено картинности, вызывающей ужасъ. Замѣчанія Державина о мѣрахъ къ ускоренію производства дѣлъ и о характерѣ правосудія заслуживали-бы вниманія современниковъ. Представляя рапортъ о несправедливомъ рѣшеніи одного дѣла, Державинъ говоритъ между прочимъ: «Замѣчаю я, что обвиняются здѣсь всегда малые чины, а большіе, какъ изъ дѣлъ сихъ увидѣть изволите, оправдываются».

Немалую заботу для губернатора представило съ самаго начала пріисканіе приказныхъ служителей, секретарей и копіистовъ. Общій порокъ всей этой мелкой сошки, какую только можно было раздобыть въ Москвѣ, представляло пьянство и само собой взяточничество. Но съ послѣднимъ охотно мирились.

Трудно было найти исполнителей закона, но на повѣрку оказывалось, что еще труднѣе найти самые законы въ печатномъ видѣ. О присылкѣ ихъ Державинъ тщетно просилъ одного московскаго пріятеля и родственника. Послѣдній могъ выслать только адмиралтейскій регламентъ и полковничью инструкцію, объясняя при этомъ, что другихъ законовъ въ продажѣ не отыскалось, а такъ какъ они болѣе не печатаются, то и впредь не предвидится исполнить его желаніе.

Одною изъ мѣръ, принятыхъ Державинымъ для сокращенія производства дѣлъ, было учрежденіе въ Тамбовѣ типографіи.

Если трудно было найти приличныхъ канцелярскихъ служителей, то и наборщиковъ—не менѣе того. Державинъ обратился къ содѣйствію типографской компаніи и вступилъ такимъ образомъ въ переписку съ Новиковымъ. Послѣдній конечно охотно принялъ участіе въ излюбленномъ имъ дѣлѣ и помогъ Державину пріобрѣсти все нужное. Зимнимъ путемъ предметы были пересланы въ Тамбовъ, и въ началѣ 1788 года типографія открыла свою дѣятельность. Въ типографіи стали печататься сенатскіе указы, публикаціи, свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ и т. д. Для собранія матерьяловъ учрежденъ особый столъ. Статьи, подле-

жавшія оглашенію, печатались по субботамъ и воскресеньямъ, посылались городничему и въ нижній земскій судъ для всеобщаго свѣдѣнія, а затѣмъ прибивались къ стѣнамъ въ церквахъ, на базарахъ и ярмаркахъ. Такимъ образомъ заведено было нѣчто вродѣ будущихъ губернскихъ вѣдомостей, оффиціально установленныхъ въ царствованіе Николая. Кромѣ оффиціальныхъ бумагъ, въ тамбовской типографіи стали печататься и «литературные труды» тамбовскихъ дамъ—переводы романовъ.

Мысль о типографіи принадлежала лично Державину; открытіе же народныхъ училищъ являлось исполненіемъ «начертаній» Екатерины. Извѣстно, что она много разсуждала о мѣрахъ къ народному образованію, переписывалась по этому предмету съ энциклопедистами и германскими учеными, бесѣдовала съ императоромъ австрійскимъ и выписывала свѣдущихъ иностранцевъ для совѣщаній и разработки плана.

Въ «Учрежденіи о губерніяхъ», обнародованномъ 7-го ноября 1775 года, «попеченіе объ установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ» возложено было на вновь образованные приказы общественнаго призрѣнія. Они обязаны были заводить училища сначала во всѣхъ городахъ, а потомъ—и въ многолюдныхъ селеніяхъ для всѣхъ, кто добровольно пожелаетъ учиться.

Но, при совершенномъ недостаткѣ учителей и учебныхъ пособій, отъ названныхъ приказовъ въ первое время нельзя было ожидать успѣшной дѣятельности.

Въ Тамбовѣ, какъ и по всей Руси, не было учебныхъ заведеній кромѣ жалкой гарнизонной школы и духовной семинаріи. По Указу Екатерины, данномъ въ Царскомъ Селѣ на имя Гудовича, открытіе училищъ въ намѣстничествѣ Рязанскомъ и Тамбовскомъ должно было совершиться, какъ и въ прочихъ губерніяхъ, 22-го сентября, въ день коронаціи государыни. Гудовичъ поспѣшилъ конечно передать распоряженіе Державину, поручая ему приготовить училищный домъ и отписать о томъ-же городничимъ городовъ Козлова и Лебедяни.

Званіемъ директора всѣхъ училищъ заранѣе облеченъ былъ въ Петербургѣ извѣстный Козодавлевъ. Онъ отправилъ къ Державину двухъ учителей съ письмами. «Вручители сего—писалъ онъ—суть люди, имѣющіе подъ руководствомъ вашего превосходительства распространять просвѣщеніе въ Тамбовской губерніи и т. д.»; далѣе Козодавлевъ серьезно излагаетъ планъ и организацію предполагаемыхъ училищъ. Въ Тамбовѣ по крайней мѣрѣ все состоялось, какъ по писанному. Правда, что училищный домъ

представлялъ собой негодную развалину, великодушно уступленную мѣстнымъ богатымъ откупщикомъ купцомъ Іоною Бородинымъ за 300 руб. въ годъ. Матерьяловъ для исправленія дома тоже не было, но казенная палата выручила губернатора, отпустивъ заимообразно доски, кирпичъ и известь. Въ три недѣли все было готово. Не было только учителей и учениковъ. Послѣднихъ взяли тоже «заимообразно» изъ гарнизонной школы.

Открытіе произошло торжественно при пушечной пальбѣ.

Въ честь открытія училища губернаторъ устроилъ у себя театральное представленіе. Избрана была съ правоучительной цѣлью комедія *Такъ и должно* Веревкина, направленная противъ подъячихъ. Ей предшествовалъ прологъ, написанный Державинымъ, аллегорическаго содержанія. Дремучій лѣсъ означалъ малообразованное дворянство; просвѣщеніе являлось въ видѣ Генія; Талія и Мельпомена олицетворяли театръ. Геній приглашаетъ ихъ на помощь дѣлу Петра и Екатерины.

Болѣе или менѣе торжественно открыты были затѣмъ малыя училища въ другихъ городахъ губерніи: въ Козловѣ, Шацкѣ, Моршанскѣ. Существованіе ихъ ничѣмъ не было обезпечено. Мѣстное общество не желало оказывать имъ поддержку и относилось прямо враждебно къ дѣлу. Несмотря на строгія и краснорѣчивыя внушенія Державина смотрителямъ и городскимъ головамъ «прилагать всевозможное стараніе о развитіи заведеній *на основаніи городового положенія*», учителя не получали жалованья, а купцы и мѣщане не отдавали дѣтей. Мало по малу одни училища были закрыты, другія какъ-то сами собой исчезли, и вся блестящая феерія потонула въ густомъ мракѣ далеко не аллегорическаго лѣса; энергія Державина получила однако воздаяніе. Графъ А. Р. Воронцовъ и сенаторъ А. В. Нарышкинъ получили назначеніе ревизовать губерніи, въ томъ числѣ и Тамбовскую. Здѣсь они остались довольны всѣмъ и въ рапортѣ Екатеринѣ писали, что попеченіе и прилежаніе правителя губерніи Державина дѣлаетъ ему честь. «Живо и сердечно порадовался я,—пишетъ Державину петербургскій пріятель Васильевъ,—что Вы такъ удачно сенаторовъ спустили». Впрочемъ гр. Воронцовъ еще изъ столицы писалъ Державину о ревизіи, обѣщая изъ Рязани точно увѣдомить о времени прибытія въ Тамбовъ и предлагая приготовить присутственныя мѣста для освидѣтельствованія.

Между тѣмъ на мирныя отношенія Державина къ Гудовичу стали набѣгать тѣни. Возникли несогласія. Въ то-же время въ

Петербургѣ стали ходить слухи о «крутыхъ» мѣрахъ Державина въ извѣстныхъ случаяхъ, пристрастіи и произволѣ.

Особенно повредило ему дѣло капитана Сатина. По просьбѣ нѣкоторыхъ заинтересованныхъ лицъ, Державинъ сталъ «чинить» розыски, превышая свою власть, и опредѣлилъ взять имѣніе жены Сатина въ опеку на основаніи не свидѣтельскихъ даже показаній о Сатинѣ, а только сдержанности ихъ, находя, что «молчаніе выражаетъ больше, нежели всѣ разговоры .

При всемъ расположеніи къ Державину даже графъ Воронцовъ не могъ одобрить его распоряженій и на этотъ разъ на просьбу принять его сторону отвѣтилъ письмомъ, напоминающимъ наставленіе, поданное нѣкогда неугомонному поэту графомъ Панинымъ. Воронцовъ, выражаясь очень мягко, замѣчаетъ, что мѣры Державина невольно заставляютъ подозрѣвать его въ пристрастіи къ одной сторонѣ, не говоря уже о томъ, что совершенно не входятъ въ компетенцію губернатора, и «если во внутреннее хозяйство и подробности сожитія мужа съ женой будутъ такимъ образомъ начальники вмѣшиваться, то выйдутъ произвольныя инквизиціи, отнюдь не сходныя съ образомъ мыслей государыни. Далѣе, манифестъ ея истолкованъ превратно: молчаніе свидѣтелей можетъ служить къ оправданію, а не обвиненію. Наконецъ поведеніемъ Державина нарушается личная безопасность и спокойствіе каждаго. Гр. Воронцовъ выражаетъ дружески свое удовольствіе въ томъ, что Гудовичъ остановилъ рѣшеніе Державина, такъ какъ онъ самъ, въ случаѣ если-бы дѣло дошло до Петербурга, долженъ былъ бы ходатайствовать противъ Державина, конечно не лично для Сатина, но «дабы упредить, чтобы впредь правленія, губернаторы и генералъ-губернаторы не присваивали себѣ того, что̀ имъ не дано .

Къ этому дѣлу присоединились другія непріятности того-же рода и наконецъ личные счеты Державина съ людьми, близкими къ Гудовичу. Наконецъ, надѣясь на покровительство всемощнаго Потемкина, Державинъ распорядился выдать коммиссіонеру его по закупкѣ провіанта для арміи значительную сумму изъ казенной палаты, не спросивъ согласія Гудовича, и въ отвѣтъ на отказъ палаты, за неимѣніемъ средствъ, произвелъ ревизію, опять превысивъ свою власть и вторгаясь въ область вѣдѣнія одного намѣстника. Мѣра эта вызвала удивленіе и негодованіе самого Гудовича. Примиреніе становилось невозможнымъ.

Обѣ стороны обратились въ сенатъ: Державинъ—съ рапор-

томъ о найденныхъ имъ безпорядкахъ и упущеніяхъ; палата—съ жалобой на притѣсненіе со стороны губернатора.

Гудовичъ между тѣмъ частнымъ образомъ писалъ Воронцову, прося избавить его отъ ретиваго сослуживца, который, пишетъ онъ: «вступилъ съ рапортомъ въ сенатъ мимо меня, переписывается съ другими губерніями и вошелъ въ мою должность, *какъ-бы меня и не было»*.

Любопытно, что сенатъ, еще до полученія объясненій Гудовича, нашелъ, что Державинъ самовластно распорядился такими доходами, которые безъ разрѣшенія генералъ-прокурора запрещено было расходовать, и въ указѣ сената опредѣлено сдѣлать выговоръ Державину, о чемъ тогда-же сообщено намѣстнику. Сенатъ оставилъ безъ вниманія довольно странное объясненіе Державина, считавшаго дѣйствія свои будто-бы необходимыми для спасенія арміи Потемкина, и слѣдовательно отечества—отъ гибели. Даже друзья Державина не одобряли его поведенія. Васильевъ писалъ ему: «не выдавала казенная палата денегъ, она-бы и отвѣчала и т. д.» Тѣмъ болѣе некстати была ревизія безъ явныхъ причинъ къ подозрѣнію, «а когда его нѣтъ, то каково-же цѣлую палату безчестить?»

Въ довершеніе бѣдствій Державина, жена его поссорилась съ женой предсѣдателя палаты, толкнула ее будто-бы опахаломъ, и дѣло раздуто было насколько возможно мѣстными сплетнями. Враждебная губернатору партія воспользовалась этимъ. Составилось цѣлое совѣщанье, и подана письменная жалоба самой императрицѣ. Стали винить Державина и въ лихоимствѣ.

Съ своей стороны онъ просилъ позволенія явиться въ Петербургъ для личнаго оправданья и разослалъ письма Потемкину, Воронцову, Безбородко и всѣмъ своимъ друзьямъ и покровителямъ. Между тѣмъ во время пребыванія Гудовича въ Тамбовѣ Державинъ, взамѣнъ прежнихъ любезностей, выказалъ такую запальчивость и раздраженіе, что Гудовичъ въ своемъ рапортѣ сенату жаловался на нарушеніе губернаторомъ тишины и спокойствія. Въ отвѣтъ на требованіе отъ него сенатомъ объясненій, Державинъ, *не объявляя* этого указа въ правленіи, приказалъ секретарямъ изготовить справки о всѣхъ этихъ обстоятельствахъ будто по другой надобности. Справки были представлены, и Державинъ предъявилъ ихъ сенату, но Гудовичъ, узнавъ обо всемъ, доносилъ сенату и просилъ немедленно отрѣшить губернатора отъ должности за подобные противозаконные поступки. Друзья Державина приходили въ отчаянье, видя, что онъ вредитъ

себѣ и дѣлаетъ невозможнымъ держать его сторону. Сенатъ дѣйствительно представилъ императрицѣ мнѣніе объ отрѣшеніи Державина отъ должности и преданіи суду.

Съ этой минуты Гудовичъ, находясь въ Тамбовѣ, игнорировалъ Державина, не давая ему однако поводовъ къ ссорѣ, подобно Тутолмину. Наконецъ именнымъ указомъ Державинъ отданъ былъ подъ судъ, и велѣно было обязать его подпиской о невыѣздѣ изъ Москвы до окончанія дѣла.

Державинъ явился въ Москву, не теряя присутствія духа. Главной его заботой теперь было добиться личной аудіенціи у императрицы. Это удалось ему въ концѣ концовъ, вѣроятно благодаря Потемкину. Вліянію послѣдняго обязанъ повидимому Державинъ и снисходительностью сената. Всѣ заключенія были ему благопріятны. Правда, поведеніе Державина сенатъ признавалъ оскорбительнымъ для Гудовича, но такъ какъ, согласно просьбѣ послѣдняго, губернаторъ былъ уже отрѣшенъ отъ должности, то Гудовичъ и могъ этимъ удовлетвориться. Кромѣ личныхъ счетовъ, по мнѣнію сената, дѣйствія Державина не принесли вреда ни частнымъ лицамъ, ни казенному интересу, а потому сенатъ предаетъ все дѣло всемилостивѣйшему благоволенію императрицы. Умѣнье Державина пользоваться лицами и обстоятельствами взяло перевѣсъ надъ всѣмъ, и самонадѣянность его была такъ велика, что онъ-же жаловался на это рѣшеніе сената, признававшее его все-таки оскорбителемъ Гудовича.

Въ Петербургѣ ждалъ Державина полный успѣхъ. Екатерина одобрила докладъ сената, велѣла секретарю подать себѣ оду «Фелицѣ». «Приказано сказать Державину,—пишетъ въ дневникѣ своемъ Храповицкій,—что докладъ и просьба его читаны, и что Ея Величеству трудно обвинить автора оды къ Фелицѣ: cela le consolera (это его утѣшитъ). Донесъ о благодарности Державина,—on peut lui trouver une place (можно найти ему мѣсто)». Нѣсколько дней спустя Державинъ представлялся Екатеринѣ въ Царскомъ Селѣ; она приняла его милостиво, дала поцѣловать руку и оставила къ обѣду. Державинъ увѣряетъ даже, будто она сказала при этомъ окружающимъ: «это мой собственный авторъ, котораго притѣсняли». Недовольный однако неопредѣленностью положенія, онъ написалъ ей письмо съ просьбой о производствѣ ему жалованья впредь до опредѣленія на службу и кромѣ того испрашивалъ аудіенціи для объясненія по дѣламъ губерніи. Екатерина исполнила то и другое.

Державинъ повезъ въ Царское всю переписку по дѣлу съ

Гудовичемъ, но къ счастью догадался оставить ее въ сосѣдней комнатѣ, входя въ кабинетъ. Государыня, давъ ему поцѣловать руку, спросила: «какую онъ имѣетъ до нея нужду». Онъ отвѣчалъ, что желаетъ благодарить ее за оказанное ему правосудіе и объяснить свою невинность.

— Но не имѣете-ли вы въ нравѣ чего нибудь строптиваго, что ни съ кѣмъ не уживаетесь?—спрашивала Екатерина.

— Я началъ службу простымъ солдатомъ и самъ собою возвысился и т. д.

— Но отчего-же вы не поладили съ Тутолминымъ?

— Онъ издалъ свои законы, а я привыкъ исполнять только Ваши.

— Отчего вы разошлись съ Вяземскимъ?

— Ему не понравилась моя ода «Фелицѣ», онъ началъ осмѣивать и притѣснять меня.

— А какая причина вашей ссоры съ Гудовичемъ?

— Онъ не соблюдалъ вашихъ интересовъ, въ доказательство могу представить цѣлую книгу.

— Хорошо,—сказала она:—послѣ.

По свидѣтельству Храповицкаго, Екатерина такъ отозвалась потомъ объ этомъ разговорѣ: «Я ему сказала, что чинъ чина почитаетъ. Въ третьемъ мѣстѣ не могъ удержаться; надобно искать причины въ себѣ самомъ. Онъ горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи. Онъ кажется не очень мной остался доволенъ». Жалованье велѣно ему выдавать, но мѣста ждать пришлось ему около двухъ съ половиною лѣтъ.

Старые счеты Державина по службѣ этимъ еще не вполнѣ кончились. На него наложенъ былъ штрафъ въ 17,000 р. за то, что онъ подвергъ аресту имѣнье купца Бородина. Державинъ всѣхъ старался увѣрить, что въ сенатѣ не могутъ быть къ нему справедливы, и просилъ императрицу снять съ него арестъ помимо сената. Не дождавшись рѣшенія, онъ подалъ новую просьбу Екатеринѣ: такъ какъ въ сенатѣ дѣло будетъ докладываться по «неизвѣстной ему запискѣ», то для наблюденія, все-ли изложено, дозволить ему присутствовать въ сенатѣ при слушаніи дѣла и къ нему руку приложить. На подлинной просьбѣ, напоминающей наивностью сказку о золотой рыбкѣ, отмѣчено «отказано 2 ноября 1799 года». Взысканіе съ Державина повидимому было сложено своимъ чередомъ.

* *
*

Два съ половиною года Державинъ, по его выраженію, «шатался по площади, проживая въ Петербургѣ *безъ всякаго дѣла*». Въ это время онъ написалъ «Водопадъ» и еще нѣсколько крупныхъ и много мелкихъ стихотвореній, не считая очевидно «дѣломъ» литературный трудъ. Понятно, почему и на стихахъ его лежитъ печать исканій и ласкательства. Въ одномъ изъ первыхъ стихотвореній этого періода «Праведный Судья» поэтъ излагаетъ свой символъ вѣры, какъ гражданина, сторониться дурныхъ людей и враговъ, исполнять честно долгъ и т. п. Въ этомъ и другихъ стихотвореніяхъ Державинъ не столько удовлетворялъ лирическимъ порывамъ души, сколько искалъ случая обратить на себя и свои гражданскіе идеалы вниманіе высшихъ лицъ. Потому вѣроятно, написавъ оду «Философъ пьяный и трезвый», гдѣ идеаломъ благополучія ставится не богатство, слава и чины, а здоровье, спокойствіе и умѣренное довольство, Державинъ поясняетъ, что ода эта написана *безъ всякой цѣли*.

Сатирическое осмѣяніе личныхъ враговъ чаще всего оживляло его лиру. Увлекаемый отъ поэзіи службой и распрями, онъ еще въ Петрозаводскѣ сочинилъ однако оду «Уповающему на свою силу», гдѣ вооружаетъ небо на свою защиту и уничтоженіе Тутолмина. «Господь,—говоритъ онъ,—праведнымъ даетъ покровъ, надменныхъ власть уничтожаетъ и грѣшныхъ низвергаетъ въ ровъ». Впослѣдствіи прибавлена сюда виньетка; она изображаетъ, какъ громъ разбиваетъ пирамиду, а пастухъ, сидя подъ деревомъ, спокойно смотритъ на это зрѣлище. Въ одѣ «На счастье»—«отъ божеской десницы гудокъ гудитъ на тонъ скрипицы»—явный намекъ на Гудовича, котораго онъ называетъ въ запискахъ человѣкомъ ума посредственнаго, но вознесеннымъ счастьемъ. Счастье вообще уподобляется въ этой одѣ воздушному шару тѣмъ, что падаетъ, куда случится. Сравненіе напрашивалось потому, что не задолго какъ разъ сдѣланъ былъ первый публичный опытъ воздухоплаванья въ Версали,—и вотъ, обращаясь къ счастію, поэтъ говоритъ: «но ахъ! какъ нѣкая ты сфера, иль легкій шаръ Монгольфіера, блистая, въ воздухѣ летишь». Счастье иначе разумѣло *случай*. Извѣстно, что выраженіе *попасть въ случай* цѣлый вѣкъ еще оставалось въ силѣ, означая успѣхъ фаворита и его клевретовъ. Счастье можетъ и «раба творить владыкой міра». Въ поясненіе шуточнаго тона оды поэтъ поставилъ въ заглавіи слова: «писано на масляницѣ». По обыкновенію у Державина философ-

ская тема переплетена съ сатирическими выходками и политическими намеками. Кстати поэтъ возноситъ Потемкина:

«Въ тѣ дни какъ всюду скороходомъ
Предъ русскимъ ты бѣжишь народомъ
И лавры рвешь ему зимой, (намекъ на взятіе Очакова
Стамбулу бороду ерошишь, [зимой)
На Таврѣ ѣдешь чехардой, (завоев. Крыма)
Задать Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы,
А Темзу въ фижмы наряжаешь,
Хохолъ въ Варшавѣ раздуваешь,
Коптишь голландцамъ колбасы и т. д.»

Екатеринѣ и другимъ особамъ были вполнѣ понятны эти намеки, и ихъ умѣли цѣнить въ то время. Моды и нравы также нашли здѣсь шуточное изображенье, иногда въ формѣ отголоска на сочиненія самой Екатерины. Поэтъ не совсѣмъ доволенъ моднымъ подражаніемъ иностранцамъ, «вкусы и нравы распестрились», говоритъ онъ, «весь міръ сталъ полосатый фракъ».

Главной темой остается однако счастье или случай, и рисунокъ изображаетъ, какъ счастье ѣдетъ по воздуху на мыльномъ пузырѣ и машетъ волшебной ширинкой.

На второй годъ «бездѣлья» Державина случай помогъ ему обратить на себя вниманье. Подвигъ взятія Измаила затмилъ даже Очаковъ. Ода имѣла огромный успѣхъ. Державинъ получилъ отъ императрицы табакерку, осыпанную бриліантами, цѣною въ 2000 руб. и, по словамъ его, былъ принимаемъ при дворѣ еще милостивѣе. Государыня, увидѣвъ его въ первый разъ по напечатаніи сочиненія, подошла къ нему съ улыбкой и сказала: «я не знала по сіе время, что труба ваша стольже громка, какъ и лира пріятна».

Картинка, нарисованная впослѣдствіи Оленинымъ къ этой одѣ, представляла огнедышащій Везувій, противъ котораго идетъ безстрашно съ примкнутымъ штыкомъ русскій гренадеръ, поваливъ за собой геркулесовы столпы. Картинка эта пропала въ Англіи, когда Державинъ думалъ заказать тамъ гравировку, и поэтъ предполагаетъ, что тамъ ее уничтожили «изъ зависти къ славѣ россійской». Любопытно, что въ одѣ послѣ описанія торжества побѣды высказывается мечта о вѣчномъ мирѣ и сомнѣніе въ возможности послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, незадолго явилось сочиненіе Сенъ-Пьера, предлагавшее проэктъ всеобщаго разоруженія, и сочиненіе это переведено было на русскій языкъ въ станѣ Потемкина передъ Очаковымъ. Идея эта мало отвѣчала честолюбивымъ замысламъ самой Екатерины.

Оды Державина создали ему крупную извѣстность, которая увѣнчалась настоящей славой съ появленіемъ *Водопада*. Послѣ описаннаго нами блестящаго праздника въ 1791 году, воспѣтаго Державинымъ, Потемкинъ оставилъ Петербургъ, чтобы больше сюда не вернуться. На берегахъ Прута его ожидала смерть. Вѣсть эта внушила Державину одно изъ самыхъ оригинальныхъ и смѣлыхъ его произведеній. Бѣлинскій, называя эту оду однимъ изъ блистательнѣйшихъ произведеній поэта, замѣтилъ однако, что въ концепціи ея участвовала не одна фантазія, но и холодный разсудокъ. Доказательства тому всякій самъ найдетъ въ ея длиннотѣ и риторичности.

Многіе стали искать знакомства съ поэтомъ; въ числѣ ихъ— Дмитріевъ, а затѣмъ и Карамзинъ. Первый разсказываетъ, что сперва только съ чувствомъ глубокаго удовольствія и уваженія смотрѣлъ на него издали во дворцѣ. Вскорѣ посчастливилось ему свести знакомство черезъ Львова. Еще непризнанный поэтъ въ сопровожденіи Львова отправился наконецъ по приглашенію самого Державина, съ которымъ хотѣлъ и робѣлъ познакомиться, къ нему на домъ.

«Мы застали,—говоритъ онъ,—хозяина и хозяйку въ авторовомъ кабинетѣ: въ колпакѣ и атласномъ голубомъ халатѣ, онъ что-то писалъ на высокомъ налоѣ; а она, въ утреннемъ бѣломъ платьѣ, сидѣла въ креслахъ посреди комнаты, и парикмахеръ завивалъ ей волосы. Добросердечный видъ и привѣтливость обоихъ съ первыхъ словъ ободрили меня. Поговоря нѣсколько минутъ о словесности, о войнѣ и пр., я хотѣлъ, соблюдая приличіе, откланяться, но оба они стали унимать меня къ обѣду. Послѣ кофія я опять поднялся и еще упрошенъ былъ до чая. Такимъ образомъ съ перваго посѣщенія я просидѣлъ у нихъ весь день, а черезъ двѣ недѣли уже сдѣлался короткимъ знакомцемъ въ домѣ. И съ того времени рѣдко проходилъ день, чтобъ я не видѣлся съ этой любезной и незабвенной четой».

Дружба между ними установилась на всю жизнь.

Карамзинъ познакомился съ Державинымъ послѣ возвращенія своего изъ за-границы; онъ ѣхалъ въ Москву съ мыслью основать журналъ и радовался полученному отъ «пѣвца мудрой Фелицы» согласію принять участіе въ изданіи. Державинъ въ самомъ дѣлѣ сталъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ возникшаго *Московскаго Журнала*. *Водопадъ* Карамзину не удалось напечатать. Ода не была окончена раньше какъ въ 1794 году. До тѣхъ поръ она, по свидѣтельству Болотова, «носилась въ народѣ» рукописною.

Благосклонность Потемкина не могла приблизить Державина къ Екатеринѣ. Послѣдній успѣлъ кстати заручиться милостью новаго фаворита Платона Зубова. О сближеніи этомъ онъ раз-

сказываетъ «съ простодушіемъ, которое дѣлаетъ честь его правдивости». Нѣсколько разъ, говоритъ онъ, придворные лакеи не допускали его до молодого счастливца, и ему не оставалось другого средства побѣдить препятствія, какъ «прибѣгнуть къ своему таланту». Средство оказалось дѣйствительнымъ. Это было длиннѣйшее изъ всѣхъ его лирическихъ произведеній—«Изображеніе Фелицы». Рукопись была представлена Зубову ко дню коронаціи. Государыня, прочитавъ ее, приказала любимцу «пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать въ свою бесѣду». Съ этого времени Державинъ часто сталъ бывать у Зубова, и одна эта близость давала ему вѣсъ при дворѣ и въ глазахъ общества. Неизвѣстно, насколько Зубовъ имѣлъ пристрастіе къ литературѣ, но интимная близость къ Екатеринѣ обязывала его пристраститься къ ней. Екатерина писала Гримому: «хотите-ли знать, чѣмъ мы прошлое лѣто въ часы досуга занимались съ Зубовымъ въ Царскомъ Селѣ, при громѣ пушекъ? мы переводили по русски томъ Плутарха. Это доставляло намъ счастіе и спокойствіе посреди шума; онъ кромѣ того читалъ Полибія».

Державина однако не удовлетворяло его положеніе при дворѣ. Онъ искалъ прямого назначенія. Императрица повидимому ни на чемъ не могла остановиться, зная его неуживчивый характеръ.

Удачная мысль осѣнила было голову княгини Дашковой. Она совѣтовала Екатеринѣ взять Державина «для описанія славныхъ дѣлъ ея царствованія». Но такъ какъ княгиня шумно разглашала свою мысль, то это вѣроятно и помѣшало его опредѣленію.

Однако пѣвецъ Фелицы не могъ остаться безъ награды. Ода яркими красками изображала ея дѣянія, мудрость и даже самоотверженіе. Для спасенія людей, говоритъ нашъ поэтъ, императрица безстрашно принимаетъ ядъ. Державинъ самъ замѣтилъ, что безъ поясненій многіе его не поймутъ. Обращаясь къ этимъ поясненіямъ, мы узнаемъ, что поэтъ разумѣлъ здѣсь отважный опытъ государыни по прививкѣ оспы. Въ самомъ дѣлѣ, Екатерина выписала изъ Англіи врача, который привилъ въ первый разъ въ Россіи оспу ей и наслѣднику престола. Затѣмъ «во всѣхъ губерніяхъ были устроены оспенные дома». Судя впрочемъ по успѣху въ открытіи школъ, едва-ли много было тамъ работы. Во всякомъ случаѣ починъ былъ сдѣланъ дѣйствительно ею.

Нѣкоторое время Зубовъ однако мало обращалъ вниманія на Державина, давая ему иногда только отдѣльныя порученія. Между прочимъ Державинъ долженъ былъ однажды изложить свои сообра-

женія о томъ, какъ-бы безъ отягощенія народа увеличить государственные доходы (!).

Повидимому фаворитъ задумалъ отличиться предъ монархиней особой государственной заслугой при помощи практичнаго поэта.

Наконецъ Державину дано было порученіе, въ которомъ онъ могъ видѣть знакъ довѣрія Екатерины, а именно разсмотрѣніе претензіи русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Мочениго къ придворному банкиру Сутерленду. Въ то же время пришло извѣстіе о смерти Потемкина, а вскорѣ затѣмъ, 13-го декабря 1791 года, послѣдовалъ указъ сенату: «Всемилостивѣйше повелѣваемъ д. с. с. Гавріилу Державину быть при насъ у принятія прошеній».

Такимъ образомъ не только исполнилось желаніе Державина имѣть прочное служебное положеніе, но онъ становится однимъ изъ ближайшихъ лицъ къ Екатеринѣ, ея личнымъ секретаремъ.

* *
*

«Будучи поэтъ по вдохновенію, я долженъ былъ говорить правду; политикъ или царедворецъ по служенію моему при дворѣ, я принужденъ былъ закрывать истину иносказаніемъ и намеками, изъ чего само по себѣ вышло, что въ нѣкоторыхъ моихъ произведеніяхъ и понынѣ многіе что читаютъ, того не понимаютъ», такъ исповѣдывался маститый поэтъ на склонѣ лѣтъ въ царствованіе внука Екатерины.

Слѣдуя завѣту Екатерины, его сатира никогда не была бичующей. Съ другой стороны Державинъ до конца жизни не былъ политикомъ и не приноровился къ роли царедворца, несмотря на все стараніе къ тому. Помѣхой становились отчасти природныя, отчасти пріобрѣтенныя свойства характера: заносчивость и грубоватая наивность солдата, хотя и въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Въ два года статсъ-секретарства онъ успѣлъ надоѣсть Екатеринѣ и перессориться съ друзьями и покровителями, какъ Дашковой, Безбородко и другими. Онъ не щадитъ ихъ и въ запискахъ своихъ, выдавая при этомъ только свою неправоту.

Не любовь къ правдѣ, но недостатокъ чувства такта и мѣры вызвали скоро охлажденіе къ нему Екатерины. «Онъ со всякимъ вздоромъ ко мнѣ лѣзетъ», жаловалась она вскорѣ послѣ его назначенія. Какъ по своему дѣлу съ Гудовичемъ, такъ теперь по каждому порученному ему дѣлу, онъ являлся съ кипой документовъ; «цѣлая шеренга гайдуковъ и лакеевъ вносила за нимъ въ кабинетъ государыни превеликія кипы бумаги». Можно-ли удивляться, если Екатерина иногда отсылала его, теряя терпѣніе, и однажды

въ скверную погоду велѣла сказать ему: «удивляюсь, какъ такая стужа вамъ гортани не захватитъ».

«Часто случалось,—говоритъ онъ,—что она разсердится и выгонитъ его отъ себя, а онъ надуется, даетъ себѣ слово быть осторожнымъ, ничего съ ней не говорить; но на другой день, когда онъ войдетъ, она тотчасъ примѣтитъ, что онъ сердитъ: зачнетъ спрашивать о женѣ, о домашнемъ его быту, не хочетъ-ли онъ пить и тому подобное ласковое и милостивое, такъ что онъ позабудетъ всю свою досаду и сдѣлается по прежнему чистосердечнымъ. Однажды случилось, что онъ, не вытерпѣвъ, вскочилъ со стула и въ изступленіи сказалъ: «Боже мой! кто можетъ устоять противъ этой женщины? Государыня,—вы не человѣкъ. Я сегодня наложилъ на себя клятву ничего съ Вами не говорить; но Вы, противъ воли моей, дѣлаете со мной, что́ хотите». Она засмѣялась и сказала: «неужто это правда?» Въ различныхъ варіантахъ современники утверждаютъ однако согласно фактъ, что Державинъ при докладахъ бранился, а однажды схватилъ государыню за платье, при чемъ она позвала изъ сосѣдней комнаты Попова и сказала ему: «побудь здѣсь, Василій Степановичъ, а то этотъ господинъ много даетъ воли рукамъ своимъ». Онъ самъ не отрицаетъ, что, несмотря на запальчивость его, Екатерина, поссорясь, на другой день принимала его милостиво, извинялась, говоря: «ты и самъ горячъ, все споришь со мной». Такъ было, когда по дѣлу о банкротствѣ Сутерленда Державинъ докладывалъ о громадныхъ долгахъ вельможъ придворному банкиру. Потемкинъ взялъ 800 тысячъ. Екатерина приказала принять на счетъ казначейства, извиняя его тѣмъ, что «многія надобности имѣлъ по службѣ и нерѣдко издерживалъ свои деньги» (!). Когда-же дошло до великаго князя Павла Петровича, котораго Екатерина, какъ извѣстно, не любила, и она стала жаловаться, говоря: «не знаю, что́ съ нимъ дѣлать?», то Державинъ, къ чести его, если только онъ вѣрно передаетъ событіе, молчалъ и на повторенный вопросъ отвѣтилъ, что наслѣдника съ императрицей судить не можетъ. Она вспыхнула и закричала «поди вонъ!» Державинъ вышелъ и прибѣгъ къ защитѣ Зубова. Екатерина на другой день выслушала докладъ до конца, дала резолюцію, и тѣмъ дѣло кончилось.

Охлажденіе однако было неизбѣжно. Разбалованная всесвѣтнымъ поклоненіемъ, Екатерина конечно ожидала отъ своего секретаря новыхъ посвященныхъ ей поэмъ, а лира Державина заупрямилась. Онъ говоритъ, что она сама побуждала его писать въ этомъ родѣ; онъ-же съ одной стороны предался слишкомъ

горячо дѣламъ, а съ другой, видя несправедливости, не имѣлъ охоты, а если писалъ, то съ примѣсью нравоученія. Нѣсколько разъ онъ все-же принимался, запираясь дома, но ничего не могъ написать, «не бывъ возбужденъ какимъ-либо патріотическимъ, славнымъ подвигомъ». Страннымъ образомъ противорѣчитъ послѣднему надпись къ портрету Екатерины въ 1791 году:

Вселенну Слава пролетая,
Велитъ рѣшать вопросъ вѣкамъ:
«По имени она вторая,
Но кто-же первый по дѣламъ?»

Разгадка лежитъ отчасти въ личномъ неудовольствіи поэта.

Доклады его скоро стали становиться все рѣже и рѣже. Черезъ руки его проходили дѣла о неважныхъ предметахъ, доклады болѣе серьезные поручались другимъ секретарямъ, тогда какъ онъ съ назначеніемъ своимъ думалъ соединить первую роль и руководить даже сенатомъ.

Наконецъ косвеннымъ путемъ Державинъ устроилъ такъ, что императрицѣ было предложено ходатайство о пожалованіи ему Владиміра 2-го класса, но безуспѣшно: «онъ долженъ быть доволенъ мною, что изъ-подъ суда взятъ въ секретари, отвѣчала Екатерина,—а орденъ безъ заслугъ не дается». Зная характеръ Державина, трудно было ожидать отъ него послѣ этого хвалебныхъ произведеній, тѣмъ болѣе, что Владиміръ 2-го класса составлялъ его завѣтную мечту, и онъ считалъ себя обойденнымъ, не получивъ желаемой награды за губернаторство въ Тамбовѣ.

Рѣшено было наконецъ пожаловать Державина въ сенаторы, съ опредѣленіемъ на его мѣсто въ секретари Трощинскаго. Указъ состоялся во время празднованія Ясскаго мира, при чемъ пожалованъ ему и давно желанный орденъ. Послѣ того онъ еще нѣсколько разъ докладывалъ императрицѣ, но только по дѣламъ, которыхъ не успѣлъ кончить.

Хотя Державинъ и не совсѣмъ былъ доволенъ новымъ званіемъ, онъ просилъ Зубова выразить императрицѣ благодарность за его назначеніе. Екатерина не прочь была ограничить сферу вѣдѣнія сената, предоставляя себѣ рѣшеніе дѣлъ, и съ этою цѣлью званіе сенатора давалось часто незначительнымъ лицамъ. Здѣсь источникъ словъ Державина въ одѣ «Вельможа»:

«Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами:
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами».

Поэтъ рѣшилъ заставить уважать въ этомъ званіи сенатора, заставить себя слушать, и свое усердіе простеръ до того, что въ самые праздники ѣздилъ въ сенатъ, прочитывалъ бумаги, дѣлалъ на нихъ замѣчанія и пр., во всевозможной формѣ выказывая «правдолюбіе» и неугомонную ретивость. Вскорѣ, благодаря Зубову, онъ получилъ еще должность президента коммерцъ-коллегіи. Она, какъ и прочія коллегіи, была наканунѣ уничтоженія, и постъ удовлетворялъ не столько честолюбію, сколько матерьяльному обезпеченію. Державинъ и здѣсь не стерпѣлъ, вошелъ въ роль сановника и вызвалъ скоро Высочайшее повелѣніе: «въ дѣла петербургской таможни не мѣшаться».

Огорченный неудачами, поэтъ рѣшился подать просьбу объ увольненіи на два года, не безъ мысли однако «наказать» императрицу своимъ удаленіемъ отъ дѣлъ. Екатерина отвѣтила, что «отставить его немудрено, однако прежде пусть кончитъ новый тарифъ, а паденіе его оттого, что началъ присвоивать себѣ власть, не ему принадлежащую».

Неудовольствіе поэта скоро должно было замолкнуть.

* *
*

Въ январѣ 1793 года пришло извѣстіе изъ Парижа о казни Людовика XVI. Вѣсть произвела сильное впечатлѣніе. Екатерина слегла въ постель, была больна и печальна. Державинъ отозвался одой «Колесница». Франція—«вертепъ убійства преужасна», онъ зритъ на ней руку разгнѣванныхъ небесъ. Обращаясь къ ней, говоритъ:

«Отъ философовъ просвѣщенья,
Отъ лишней царской доброты
Ты пала въ хаосъ развращенья
И въ бездну вѣчной срамоты» (!)

Любопытно примѣчаніе его къ одѣ:

«Не было-бы удивительно,—говоритъ онъ,—если-бы несчастіе французовъ произошло отъ софистовъ или суемудрыхъ писателей, а также отъ поступковъ злобнаго государя; но когда народъ былъ просвѣщенъ истиннымъ просвѣщеньемъ и правительство было кроткое (!), то загадка сія принадлежитъ къ разрѣшенію глубокомысленныхъ политиковъ».

По случаю назначенія Румянцева главнокомандующимъ въ дѣйствіяхъ противъ Польши, Державинъ, прибѣгая къ одному изъ обычныхъ пріемовъ, передѣлываетъ одно изъ своихъ старыхъ стихотвореній въ новое, и такъ явилась ода *Вельможа*. Здѣсь есть типичныя черты быта и лицъ Екатерининскаго вѣка, но уже Бѣлинскій замѣтилъ, что даже всѣ сочиненія Державина, вмѣстѣ

взятыя, далеко не выражаютъ въ такой полнотѣ и такъ рельефно русскій XVIII вѣкъ, какъ превосходное стихотвореніе Пушкина «Къ Вельможѣ», этотъ портретъ вельможи стараго времени—дивная реставрація руины въ первобытный видъ зданія.

Въ концѣ царствованія Екатерины поэтъ едва не подвергся дѣйствительнымъ непріятностямъ за оду «Властителямъ и Судьямъ», включенную имъ въ тетрадь стихотвореній, поднесенную государынѣ въ 1795. Это переложеніе псалма Давида. Стихотвореніе напоминаетъ земнымъ владыкамъ о правдѣ, но въ тоже время велитъ народамъ почитать ихъ избранными отъ Бога и повиноваться. Однако слова: «неправда потрясаетъ троны» и др.— позволили врагамъ внушить Екатеринѣ, напуганной терроромъ, что тотъ-же самый псаломъ былъ переложенъ якобинцами и пѣтъ на парижскихъ улицахъ. Екатерина стала высказывать поэту холодность. Шепотомъ говорили, что велѣно даже допросить его; въ то время уже дѣйствовала снова Тайная канцелярія со всѣмъ арсеналомъ и Шешковскимъ во главѣ. Къ счастью, Державинъ узналъ обо всемъ во-время. На обѣдѣ у графа А. И. Мусина-Пушкина одинъ изъ гостей спросилъ его:

— Что ты, братецъ, пишешь за якобинскіе стихи?

— Царь Давидъ,—сказалъ Державинъ:—не былъ якобинцемъ.

Вслѣдъ затѣмъ онъ написалъ записку подъ названіемъ *Анекдотъ* и распространилъ при дворѣ. Здѣсь онъ разсказалъ легенду объ Александрѣ Македонскомъ и его врачѣ, примѣнивъ ее къ себѣ и Екатеринѣ. Записка дошла до императрицы, произвела хорошее дѣйствіе и спасла поэта.

Любопытно, что ода написана была давно, передѣлывалась нѣсколько разъ и, направленная сначала противъ нѣкоторыхъ лицъ подъ вліяніемъ личнаго неудовольствія, приняла въ концѣ концовъ общій характеръ. Послѣдняя строфа несомнѣнно заключала въ себѣ отголосокъ пугачевщины: знатные не внемлютъ... Грабежи, коварства, мучительства и бѣдныхъ стонъ смущаютъ, потрясаютъ царства и въ гибель повергаютъ тронъ.

Приближеніе къ Екатеринѣ приподняло и славу поэта. Въ 1792 г. напечатанъ нѣмецкій переводъ *Видѣнія Мурзы* придворнаго ученаго и воспитателя Шторха. Ни одинъ среди живущихъ въ его время поэтовъ не имѣетъ, по его мнѣнію, столько шансовъ на безсмертіе, какъ Державинъ.

Съ своей стороны Державинъ не оставался въ долгу предъ отличавшими его и, громя пороки знатныхъ анонимовъ, аккомпа-

пировалъ концу Екатерининскаго вѣка, кладя на струны своей лиры имена Суворова, Зубова, Нарышкина, Орлова и др.

Лирическое творчество его при Екатеринѣ завершилось *Памятникомъ*. Искусно передѣлавъ оду Горація, поэтъ призналъ здѣсь свое значеніе и удачно выставилъ черты своей поэзіи. Оригинальность формы уничтожаетъ упрекъ въ подражательности:

«Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить...»

Поэзія Державина—это сама Россія Екатерининскаго вѣка, говоритъ Шевыревъ, съ чувствомъ исполинскаго своего могущества, съ своимъ торжествомъ и замыслами на Востокѣ, съ нововведеніями европейскими и съ остатками старыхъ предразсудковъ и повѣрій; это Россія пышная, роскошная, великолѣпная, убранная въ азіатскіе жемчуга и камни, и еще полудикая, полуварварская, полуграмотная,—такова поэзія Державина во всѣхъ ея красотахъ и недостаткахъ.

Обращаясь къ Екатеринѣ, поэтъ сказалъ самъ о своей музѣ:

«Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ,
Ты *славою*, твоимъ я *эхомъ* буду жить.
Въ могилѣ буду я, но буду говорить...»

Пророчество это осуществилось. Поэзія Державина въ лучшихъ ея проявленіяхъ есть отраженіе и памятникъ царствованія Екатерины.

V.

Служебная и литературная дѣятельность въ царствованіе Павла и Александра I.

«Впродолженіе 8 часовъ царствованія вступившаго на престолъ всероссійскаго самодержца (Павла) весь порядокъ правленія, судопроизводство, словомъ, всѣ пружины государственной машины вывернуты, столкнуты, все опрокинуто вверхъ дномъ и оставалось въ этомъ положеніи 4 года. Однимъ почеркомъ пера уничтожено 230 городовъ! Мѣста государственныхъ сановниковъ ввѣрены людямъ безграмотнымъ... они, кромѣ Гатчино и казармъ тамъ, въ которыхъ жили, ничего не видѣли, съ утра до вечера маршировали, слушали бой барабана и свистъ дудки! Бывшему у генералъ-аншефа Апраксина въ услугѣ, лакею Клейнъ-Михелю

повелѣно обучать военной тактикѣ фельдмаршаловъ. Да, шесть или семь находившихся въ Петербургѣ фельдмаршаловъ сидѣли около стола, вверху котораго предсѣдательствовалъ бывшій лакей и исковерканнымъ русскимъ языкомъ преподавалъ такъ называемую тактику военнаго искусства воинамъ, въ бою посѣдѣвшимъ». Екатерининскихъ фаворитовъ постигла опала; напротивъ, курьеры поскакали въ дальніе углы возвращать ея опальныхъ и привозили ихъ во дворецъ иногда полуживыми вкусить милость новаго царя. Державинъ не пострадалъ; напротивъ, Павелъ обласкалъ его и велѣлъ быть въ своемъ совѣтѣ. Составъ членовъ этого высшаго совѣщательнаго собранія, учрежденнаго Екатериной, теперь перемѣнился. Неугомонный поэтъ назначеніе «правителемъ дѣлъ» совѣта понялъ въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ быть въ немъ первымъ лицомъ и руководить рѣшеніями. Возбудивъ этимъ неудовольствіе и несогласія членовъ, онъ сталъ допытываться у императора, что́ ему дѣлать, стоять или сидѣть и чѣмъ быть, и просилъ инструкціи. Павелъ отвѣчалъ: «хорошо, предоставьте мнѣ»; Державинъ, не смущаясь этимъ, продолжалъ настаивать, пока вспыльчивый и страшный въ гнѣвѣ Павелъ позвалъ людей и, ругая Державина, крикнулъ ему: «Поди назадъ въ сенатъ и сиди у меня тамъ смирно, а не то я тебя проучу!»— Нѣсколько дней спустя послѣдовалъ любопытный указъ сенату: «Тайный совѣтникъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ, опредѣленный правителемъ канцеляріи нашей, за непристойный отвѣтъ, имъ предъ нами учиненный, отсылается къ прежнему его мѣсту».

Въ обществѣ ходили разные слухи о паденіи Державина; родные его печалились, но самъ онъ не палъ духомъ и прибѣгъ къ своему оружію, рѣшивъ «вернуть благоволеніе монарха посредствомъ своего таланта». Ту-же службу, что нѣкогда «Изображеніе Фелицы», сослужила ему теперь *ода на 1797 годъ*—хвалебная пѣснь на восшествіе Павла на престолъ. «Правда, что побужденія къ написанію ея, *даже и съ тогдашней точки зрѣнія*, одобрить нельзя,—замѣчаетъ Я. К. Гротъ:—впослѣдствіи Державинъ самъ почувствовалъ несообразность этой оды съ дальнѣйшимъ ходомъ дѣлъ: онъ не рѣшился включить ее въ московское изданіе своихъ сочиненій, и ода, хотя уже набранная въ концѣ тома, не появилась въ немъ». Поэтъ достигъ цѣли. Государь принялъ его милостиво и разрѣшилъ пускать въ дворцовую залу, куда входъ былъ ему запрещенъ въ это время.

До конца царствованія Павла Державинъ оставался въ милости; получалъ различныя порученія, дѣла по опекамъ и тре-

тейскимъ судамъ, командировки и пр., но государь отклонилъ его личные доклады, говоря: «онъ горячъ, да и я; такъ мы пожалуй опять поссоримся, пусть лучше доклады идутъ черезъ тебя», говорилъ онъ генералъ-прокурору Обольянинову. Вслѣдъ за командировкой въ Бѣлоруссію, гдѣ свирѣпствовалъ тогда голодъ, Державинъ получилъ должность президента коммерцъ-коллегіи, а затѣмъ, обойдя какъ-то пріятеля своего Васильева, назначенъ на его мѣсто государственнымъ казначеемъ. Въ запискахъ своихъ онъ хвалится впрочемъ тѣмъ, что спасъ Васильева, давъ ему время скрыть грѣхи своего управленія финансами. Дѣло однако возникло, враги Васильева старались его погубить въ угодность любимцу Павла Кутайсову; за него вступился горячо наслѣдникъ престола. Державинъ, какъ самъ сознается, «балансировалъ на ту и другую сторону». Дѣло было накануне воцаренія Александра, и въ самый день вступленія его на престолъ особымъ указомъ повелѣно Васильеву вступить во всѣ прежнія его должности, а Державину «остаться въ сенатѣ». Такъ окончилась дѣятельность его въ недолгое царствованіе Павла.

Не оставляя лиру, Державинъ продолжалъ какъ-бы вести поэтическую хронику важнѣйшихъ современныхъ событій, политическихъ и придворныхъ.

Въ пьесѣ *Развалины* откликнулся онъ, хотя много времени спустя, на кончину Екатерины; запустѣніе любимаго ею Царскаго Села, военныя экзерциція на лужайкѣ, гдѣ нѣкогда кипѣли «шумныя забавы» и бесѣдовали философы, все наводило на печальныя размышленія и будило воспоминанія. Въ царствованіе Павла умерли И. И. Шуваловъ, Румянцевъ-Задунайскій, Л. А. Нарышкинъ, Безбородко и Суворовъ. Послѣдній успѣлъ еще совершить переходъ черезъ Альпійскія горы и другіе подвиги, воспѣтые Державинымъ, но въ началѣ царствованія былъ въ опалѣ, жилъ сосланный въ своей деревнѣ, и Державинъ сказалъ:

«Пѣть Румянцева сбирался,
Пѣть Суворова хотѣлъ,
Но завистливой судьбою
Задунайскій кончилъ вѣкъ,
А Рымникскій скрылся тьмою,
Какъ *неславный* человѣкъ».

Поэтъ утѣшалъ себя тѣмъ, что безсмертныя дѣла ихъ не забудетъ міръ, ему-же остается

Переладить струны вновь.
Пѣть откажемся героевъ,
А начнемъ мы пѣть любовь.

Такимъ образомъ родились многочисленныя стихотворенія въ анакреонтическомъ родѣ, подражаніе классикамъ и посланія.

Со времени революціи ненависть и презрѣніе къ французамъ стали модной темой, и Державинъ не разъ къ ней обращается.

8-го февраля 1793 года Екатерина подписала указъ сенату о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Франціей и высылкѣ изъ Россіи всѣхъ французовъ, которые не примутъ присяги по изданному при указѣ образцу. Этотъ шагъ привелъ къ открытой войнѣ при наслѣдникѣ Екатерины. Державинъ явился первымъ выразителемъ политики Россіи въ смыслѣ *умиротворительницы* Европы. Когда послѣ казни короля братъ его, графъ Д'Артуа, пріѣхалъ искать убѣжища въ Петербургъ, въ присутствіи его и Екатерины совершена была панихида съ музыкой Сарти; Державинъ написалъ оду «На панихиду»:

«Греми, о муза! и искусствомъ
Подвигни къ жалости сердца,
Наполнь однимъ Европу чувствомъ
Къ отмщенью царскаго вѣнца».

Тогда-же явились и подражанія: «Чувства и размышленія *на случай* убіенія Маріи-Антуанеты», «Духъ гражданина и вѣрнаго подданнаго, на старости злодѣяніями французскихъ бунтовщиковъ возмятенный и возбужденный». Ни длина, ни качество этихъ названій насъ теперь не удивятъ—они въ духѣ вѣка. Революція называлась *бунтомъ* и объяснялась просто, какъ Державинымъ въ «Колесницѣ», тѣмъ, что возница ослабилъ возжи. Въ одѣ «На переходъ Альпійскихъ горъ» —воюетъ Россъ за обще благо, говоритъ Державинъ, поясняя въ запискѣ, что русскіе не имѣли никакой причины къ войнѣ, но вступились за угнетенную Европу; напротивъ, французы *начали революцію* и сражались не за общее благо отечества, но для корыстныхъ видовъ и т. п. Это длиннѣйшее стихотвореніе заключаетъ въ себѣ все, что̀ угодно: политику, сатиру, богословіе —только не поэзію. Оно смѣло можетъ быть отнесено къ числу многихъ другихъ произведеній Державина, о которыхъ Бѣлинскій сказалъ: «читать ихъ тяжело. Это все равно, что читать ариѳметику, написанную стихами; читатель согласенъ, что дважды два—четыре, но онъ тѣмъ не менѣе въ отчаяньи, что такія азбучныя истины не изложены прозой, безъ поэтическихъ затѣй ..» словомъ, это «диссертація въ стихахъ». Въ разныхъ выраженіяхъ обращается Державинъ къ Суворову съ одной и той-же мыслью: «Гряди, Алкидъ, на гидру дерзку»,—«Гряди спасать царей, Суворовъ».—Послѣднія

слова впрочемъ приписываютъ Павлу. Въ собственноручномъ письмѣ опальному Суворову государь призывалъ его стать во главѣ кампаніи. Явясь къ нему, Суворовъ палъ на колѣни и сказалъ словами псалма: «Господи, спаси царя».—Государь отвѣтилъ: «Ты иди спасать царей». Въ борьбѣ съ вліяніемъ революціи лежало основаніе учрежденія Павломъ въ Россіи капитула Мальтійскаго ордена. Этотъ орденъ соединялъ въ себѣ многихъ старинныхъ дворянъ-эмигрантовъ и оставался представителемъ старинныхъ привилегій. Павелъ принялъ титулъ Великаго магистра, учредилъ новый орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, возложилъ его даже на великихъ княженъ и нѣкоторыхъ придворныхъ дамъ и посвятилъ «въ рыцари» своихъ сыновей—Александра и Константина. Все это, удовлетворяя склонности Павла ко всему романтическому съ дѣтства (несмотря на видимое противорѣчіе съ его поступками вообще), происходило при торжественной обстановкѣ и разумѣется воспѣто Державинымъ въ одѣ «На Мальтійскій орденъ». И здѣсь, кромѣ описанія роскошной церемоніи, прославленія Павла и побѣды русскаго флота въ Средиземномъ морѣ, не пропустилъ онъ случая бичевать французовъ:

«Безвѣрья гидра проявилась,
Родилъ ее, взлелѣялъ галлъ».

Затѣмъ картина всеобщаго разрушенья заключается словами:

«Европа вся полна разбоевъ,
Цареубійцъ святятъ въ героевъ,
Ты, Павелъ, будь спаситель ей...
. . . .
Такъ чьи-жъ поддержатъ небо плечи?
Одинъ безсмертный, твердый Россъ».

Авторъ думалъ, поясняетъ онъ самъ, что *«некому привесть французовъ на истинный разумъ*, какъ однимъ русскимъ...»

Съ воцареніемъ Александра политика перемѣнилась, были моменты большой дружбы съ Наполеономъ, но Державинъ своего настроенія въ этомъ отношеніи не мѣнялъ до конца жизни.

Стихами Державинъ поддерживалъ благоволеніе Павла, получилъ отъ него табакерку и орденъ: послѣдній при странной обстановкѣ, по разсказу самого поэта. Онъ позванъ былъ въ императорскій кабинетъ; Павелъ набросилъ на него ленту и, произнеся какіе-то невнятные звуки, въ ту-же минуту скрылся.

Въ царствованіе Павла Державинъ избралъ себѣ девизъ: «Так вышней силой я держусь». Девизъ этотъ на его печати утвержденъ былъ государемъ.

* *
*

Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ.

Напрасно увѣрялъ Державинъ, что слова эти относятся просто ко времени года, когда воцарился Александръ. Въ обществѣ понимали стихи иносказательно... Ода на восшествіе начиналась словами:

«Вѣкъ новый! Царь младой, прекрасный
Пришелъ къ намъ днесь весны стезей».

Въ облакахъ является Екатерина и говоритъ:

«Се небо нынѣ посылаетъ
Вамъ внука моего въ цари»...

Въ слѣдующихъ строкахъ поэтъ ставитъ обществу въ вину, что оно не осуществило ея мысли, не возвело сейчасъ послѣ ея кончины на престолъ внука. «Вы сами отъ себя терпѣли», говоритъ она въ державинскихъ стихахъ.

Александръ пожаловалъ Державину за эту оду брильянтовый перстень въ 5.000 р., однако не разрѣшилъ ее печатать. Вслѣдъ затѣмъ оды стали являться, какъ грибы, въ томъ числѣ Хераскова, Измайлова, Карамзина, Мерзлякова, Озерова и многихъ другихъ, старыхъ и молодыхъ.

Не смотря на свои прогрессивныя стремленія и планы, Александръ въ первое время приблизилъ къ себѣ старыхъ сановниковъ, сподвижниковъ Екатерины, опасаясь напугать общество скорыми перемѣнами и новизной политики. Въ числѣ прочихъ и Державинъ, хотя устраненный отъ финансовъ, но оставленный въ сенатѣ, продолжалъ пользоваться большимъ почетомъ, какъ поэтъ и сановникъ.

Въ стихотвореніи «Къ самому себѣ» поэтъ недавно только выражалъ недовольство безплодностью своей дѣятельности въ борьбѣ за правду съ криводушіемъ и рѣшалъ,—если онъ безполезенъ тѣмъ, «что горячъ и въ правдѣ чортъ»,—бросить все и обратиться къ любви и музамъ (къ Эроту):

«Стану нынѣ съ нимъ водиться,
Сладко ѣсть и пить, и спать,
Лучше, лучше мнѣ лѣниться,
Чѣмъ злодѣевъ наживать».

Но эта наивная исповѣдь была неискренна. Честолюбіе съ годами становилось только упорнѣе и капризнѣе. Онъ продолжалъ ссориться въ сенатѣ, все еще надѣясь занять въ немъ первенствующее мѣсто, и настойчивость привела его къ цѣли. Съ учрежденіемъ министерствъ Александръ не рѣшился во главѣ ихъ поставить своихъ молодыхъ любимцевъ, кромѣ Кочубея;

Строгоновъ, Чарторыйскій и Новосильцевъ назначены были *товарищами*, а министрами—графъ А. Р. Воронцовъ, Завадовскій и др., въ томъ числѣ Державинъ министромъ юстиціи. Съ этимъ соединялось и званіе генералъ-прокурора сената.

Упорство Державина во всемъ, что̀ исходило отъ него, неуваженіе къ мнѣнію другихъ и характеръ его дѣйствій скоро возстановили противъ него весь сенатъ и министровъ. Онъ одинаково не ладилъ какъ съ молодыми, такъ и со старыми, съ которыми казалось-бы его соединяла тѣсная связь былого времени. Члены-сенаторы стали входить съ докладами противъ него къ Государю, пользуясь притомъ несогласіемъ мнѣній самого Царя съ Державинымъ, и наконецъ жаловались на генералъ-прокурора, «оскорблявшаго сенатъ языкомъ своимъ».

Преобразованіемъ сената и учрежденіемъ министерствъ Александръ имѣлъ въ виду удовлетворить современнымъ требованіямъ правительственной организаціи, какъ ее понимали на Западѣ. Не менѣе того занималъ Царя вопросъ объ устройствѣ или освобожденіи крестьянъ. Державинъ былъ ярымъ противникомъ этой мысли. Мѣры, принятыя въ этомъ направленіи, были одобрены въ государственномъ совѣтѣ единогласно; только Державинъ остался при особомъ мнѣніи:

«Хотя,—писалъ онъ,—по древнимъ законамъ права владѣльцевъ на рабство крестьянъ нѣтъ, но политическіе виды, укрѣпивъ крестьянъ землѣ, тѣмъ самымъ ввели рабство въ обычай. Обычай сей, утвержденный временемъ, сдѣлался столь священнымъ, что *прикоснуться* къ нему безъ вредныхъ послѣдствій велика потребна осторожность».

Автора этихъ строкъ можно угадать отчасти въ его описаніи крестьянской идиліи въ одѣ «Осень во время осады Очакова», гдѣ онъ говоритъ:

Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ,
Обогащенный щедрымъ небомъ,
Блаженство дней своихъ поетъ.

Подлинно—лишнее было освобождать такихъ счастливцевъ. Но, въ виду опасности положенія, Державинъ настроилъ снова лиру на крѣпостной ладъ и въ *анакреонтической* одѣ «Голубка» старался еще разъ убѣдить читателя въ преимуществахъ для народа помѣщичьей власти.

Конечно Державинъ выражалъ мнѣніе далеко не свое только, но большинства современныхъ ему «передовыхъ» людей. И человѣколюбивый масонъ Лопухинъ, и высокоумная княгиня Дашкова во главѣ легіоновъ находили опасность въ «разслабленіи

связей». Первый доказывалъ, что «для охраненія благоустройства общаго нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ помѣщики».—Это было по крайней мѣрѣ откровенно и ясно. Княгиня-же ссылалась на выгоду для дворянъ въ благосостояніи крестьянства, а вслѣдствіе того, по ея мнѣнію, надо было быть безумнымъ, чтобы притѣснять крѣпостныхъ. Логика, какъ извѣстно, на практикѣ не выдерживала критики, и помѣщики нерѣдко душили своихъ кормильцевъ въ болѣе или менѣе дружескихъ объятьяхъ. Многіе пугали и тѣмъ, что мысль объ освобожденіи уже носилась въ народѣ, и каждый шагъ въ этомъ направленіи можетъ родить превратные толки, помѣщики усмотрятъ потрясеніе ихъ собственности, а крестьяне возмечтаютъ о неограниченной свободѣ. На основаніи подобныхъ соображеній и Державинъ былъ однимъ изъ крайнихъ противниковъ поступательнаго движенія. Въ концѣ концовъ послѣдовалъ однако указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ— и призраки разсѣялись.

Не только въ крестьянскомъ вопросѣ, но и во всѣхъ замыслахъ Александра Державинъ являлся тормазомъ, видѣлъ вѣчно кругомъ въ лучшихъ людяхъ, его окружавшихъ, какія-то польско-еврейскія интриги, подозрѣвалъ всѣхъ министровъ тоже въ интригахъ то противъ Александра, то противъ себя, какъ единственнаго правдолюбиваго охранителя. Эту роль онъ бралъ на себя до такой степени назойливо, что государю очень трудно было сохранить хладнокровіе и не обидѣть старика. Въ концѣ концовъ однако согласіе было невозможно, и Державинъ долженъ былъ сойти со сцены. Увольненіе его было рѣшено. Въ октябрѣ 1803 года онъ пріѣхалъ во дворецъ съ докладомъ, но государь не принялъ его, а на другой день послалъ рескриптъ, въ которомъ просилъ оставить постъ министра, продолжая присутствовать въ сенатѣ и совѣтѣ.

Затѣмъ на аудіенціи государь замѣтилъ ему, что онъ слишкомъ ревностно служитъ. Оскорбленный поэтъ просилъ отставки и получилъ ее, съ позволеніемъ носить сенаторскій мундиръ, съ сохраненіемъ жалованья и 6,000 столовыхъ ежегодно.

Интриги польской партіи были конечно не при чемъ: противъ Державина были всѣ сенаторы и министры, въ томъ числѣ Завадовскій, Воронцовъ, Трощинскій—враги этой партіи.

Княгиня Дашкова, нѣкогда другъ и покровитель поэта, пишетъ въ 1802 году Воронцову (брату своему): «здѣсь (въ Москвѣ) очень смѣются надъ нападками, съ которыми Держа-

винъ выступилъ противъ сенаторовъ и министровъ своими лживыми докладами».

Графъ Растопчинъ, поддерживавшій отличныя отношенія съ Державинымъ, писалъ о немъ въ то-же время шутливо: «мнѣ разсказывали очень смѣшное про Державина, что онъ бранитъ просителей за дурной слогъ ихъ прошеній и вмѣсто отвѣта по дѣлу доказываетъ имъ ошибки противъ грамматики».

Послѣ отставки, эпиграммы, стихи и пасквили посыпались на Державина. По поводу одного такого стиха Растопчинъ прибавляетъ съ своей стороны: «про него можно сказать, что онъ утромъ ругаетъ и кричитъ, вечеромъ-же гнется и молчитъ».

Конечно въ личныхъ отзывахъ можетъ сказаться недоброжелательство. Съ другой стороны Державинъ въ своихъ запискахъ еще строже ко всѣмъ, не щадитъ ни старыхъ друзей, ни покровителей, явно пристрастенъ къ лицамъ, нетерпимъ, о всѣхъ дѣятеляхъ эпохи отзывается дурно: съ одной стороны изливаетъ желчь на новаторовъ Кочубея и Сперанскаго, съ другой—не щадитъ и приверженцевъ старины, взводитъ обвиненія на всѣхъ и каждаго и выказываетъ вражду ко всей эпохѣ.

* *
*

Въ царствованіе Павла литераторы и поэты попрятались въ Москву и старались поменьше о себѣ заявлять. Съ вступленіемъ на престолъ Александра ожили литература и театръ. «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ» Шишкова было началомъ войны съ Карамзинымъ и раздѣлило писательскій міръ на партіи, вызвавъ особую литературу.

Сохраняя близкія отношенія къ царской семьѣ, Державинъ не оставлялъ «придворную поэзію». Въ другихъ стихотвореніяхъ излагалъ онъ мысли о своихъ заслугахъ и неудачахъ или обращался къ врагамъ по направленію, къ новымъ сотрудникамъ Александра. Эти лица доставляли пищу его баснямъ. Всѣ басни, написанныя имъ въ это царствованіе, имѣютъ сатирическій характеръ, но мало художественнаго значенья. *Аистъ* представляетъ Аракчеева. *Жмурки* написаны на тріумвиратъ Кочубея, Новосильцева и гр. П. А. Строгонова возлѣ государя. *Выборъ министра*—на Сперанскаго.

Вліяніе иностранныхъ образцовъ проявлялось у Державина въ различныхъ направленіяхъ. Вліяніе Клопштока сказалось въ обращеніи къ германской миѳологіи. Въ *Водопадѣ* заимствованы черты скандинавской поэзіи. Но наиболѣе полюбился Державину Анакреонъ. «Бесѣдовалъ съ Анакреономъ въ недавнемъ

я пріятномъ снѣ», говоритъ поэтъ. Этотъ родъ особенно отвѣчалъ придворной поэзіи и стихотвореніямъ «на случай».

Во время войнъ Наполеона Державинъ по прежнему отзывался на это движеніе громкими одами вродѣ «На отправленіе въ армію гр. Каменскаго», «На выступленіе корпуса арміи» и т. п. и продолжалъ свою поэтическую хронику вплоть до самаго 12-го года, когда у нашего поэта явился совсѣмъ новый соперникъ съ его «Пѣвцомъ во станѣ русскихъ воиновъ».

Въ средѣ современниковъ Державина находились критики, постигшіе уже тогда слабыя стороны его таланта; тѣмъ не менѣе имя его окружено было ореоломъ славы. Озеровъ, посылая ему свою драму «Эдипъ въ Аоинахъ», писалъ:

«Посвящая вамъ сію трагедію, я приношу мой даръ не тѣмъ достоинствамъ, кои возвели васъ на высокія степени въ государствѣ. Пусть безпристрастное потомство судитъ ваши подвиги на службѣ отечеству; авторъ «Эдипа» желалъ только принести дань удивленія и восторга тому великому генію, который явилъ себя единственнымъ соперникомъ Ломоносова и съ воинственнымъ пареніемъ Пиндара умѣлъ соединить философію Горація и прелестную игривость Анакреона, который своимъ перомъ, смѣлымъ и животворнымъ, представилъ природу въ красотахъ ея и ужасѣ и царицу Киргизъ-Кайсацкой орды изобразилъ кистью Рафаэля. Вдохновеннымъ пѣснямъ вашей музы, величественнымъ, какъ стройное теченіе вселенной, плѣнительнымъ, какъ свѣтлый ключъ Гребеневскій, быстрымъ, блистательнымъ, какъ водопадъ Суры, поучительнымъ, какъ смерть (?), и безсмертнымъ, какъ герои, предметы хвалы вашей, я обязанъ живѣйшими наслажденіями въ жизни, и можетъ быть сіянію вашей славы буду обязанъ я спасеніемъ труда моего отъ мрака забвенія. Для меня и то уже послужитъ достоинствомъ въ потомствѣ, когда скажутъ, что авторъ «Эдипа» умѣлъ почитать геній Державина».

Въ этой риторикѣ отражаются однако характерно взгляды и пріемы современниковъ Державина въ обществѣ и литературѣ. Письмо это останется своего рода памятникомъ эпохи и иллюстраціей къ произведеніямъ поэта.

Не довольствуясь выпавшимъ на его долю успѣхомъ, прославленный лирикъ принялся «творить» для сцены. Но, увы, какъ ни бѣдна была въ то время драматическая литература на Руси, Державинъ только оправдалъ нравоученье басни Крылова: «бѣда коль пироги и т. д.». Уже Мерзляковъ называлъ его сочиненія въ этомъ родѣ «развалинами Державина». Между тѣмъ поэтъ оказался и тутъ весьма производительнымъ, хотя единственная пьеса его, игранная на петербургскомъ театрѣ, была «Иродъ и Маріамна». За то онъ свободно ставилъ свои произведенія въ залѣ своего-же домашняго театра. Питая большую слабость къ этимъ дѣтищамъ своимъ, онъ заставлялъ читать ихъ

вслухъ себѣ своихъ юныхъ поклонниковъ — Панаева, Жихарева, Аксакова. Свидѣтели эти утверждаютъ, что поэту и въ стихахъ его нравились какъ разъ слабыя мѣста, а красотъ онъ самъ не замѣчалъ.

* *
*

По смерти Н. А. Львова, Державинъ, подобно Оленину, становится центромъ литературнаго кружка. По инициативѣ Шишкова, въ домѣ поэта стали устраиваться вечера съ цѣлью дать выдвинуться молодымъ талантамъ. Вскорѣ оказалось, что для всего молодого и свѣжаго здѣсь было душно и тѣсно, и вечера служили только самоуслажденію стариковъ. Такимъ образомъ возникла *Бесѣда*, главной заслугой которой въ исторіи нашего общественнаго развитія осталось возникновеніе, ввидѣ оппозиціи архаизму ея, новаго кружка—знаменитаго *Арзамаса*.

На вечерахъ «Бесѣды» публика бывала знатная, какъ и подобало сановникамъ-учредителямъ. Здѣсь впрочемъ въ первый разъ читалъ свой переводъ «Илліады» Гнѣдичъ и часто присутствовалъ лукавый баснописецъ Крыловъ, осмѣявшій собраніе съ его организаціей въ *Квартетѣ*. Гнѣдичъ читалъ съ паѳосомъ и такъ напрягалъ голосъ, что надо было бояться за грудь его. «Еще нѣсколько такихъ вечеровъ,—говоритъ Жихаревъ,—и онъ, того и гляди, начитаетъ себѣ чахотку».

Каковы были отношенія въ литературномъ мірѣ, показываетъ отвѣтъ Державину на приглашеніе въ члены «Бесѣды» автора комедій Ильина: «членомъ-ли сотрудникомъ быть мнѣ въ «Бесѣдѣ», или инымъ чѣмъ? лишь-бы только согласно съ волею вашего высокопревосходительства; я все то вмѣняю себѣ въ особливую честь».

Члены «Бесѣды» не знали даже о новыхъ талантахъ и удивились, когда Жихаревъ прочелъ имъ «Сельское кладбище» въ переводѣ Жуковскаго, тогда какъ они знали ее только въ *позднѣйшемъ* переводѣ Кутузова. Одного Дмитріева почитали, «да и то развѣ потому, что онъ сенаторъ», а Карамзина признавалъ одинъ Державинъ.

Съ переселеніемъ въ Петербургъ Жуковскаго, друзья сгруппировались возлѣ него и образовался кружокъ Арзамасскій. Здѣсь были Блудовъ, Дашковъ и Уваровъ, сюда перешли и молодые люди изъ «Бесѣды» и здѣсь же появился Пушкинъ. «Арзамасъ» существовалъ недолго, но успѣлъ побѣдить «Бесѣду».

Подъ вліяніемъ новаго въ русской литературѣ рода поэти-

ческихъ произведеній, образцы котораго далъ Жуковскій, старикъ Державинъ пробовалъ перейти также въ область героической и сказочной русской древности. Въ 1812 году онъ написалъ родъ баллады: *Царь-дѣвица*, изобразивъ въ ней впрочемъ черты характера и образъ жизни императрицы Елисаветы Петровны. Пьесу эту назвалъ онъ романсомъ.

Царь жила-была дѣвица,
Шепчетъ русска старина,
Будто солнце свѣтлолица,
Будто тихая весна.
  Очи свѣтло-голубыя,
Брови черныя дугой,
Огнь—уста, власы—златые,
Грудь—какъ лебедь бѣлизной и т. п.

* *
*

Въ 1794 году Державинъ потерялъ свою «Плѣниру», а полгода спустя женился вторично уже не по любви, но по разсудку. Вторая жена его, Дарья Алексѣевна Дьякова, была невѣсткой друзей его Львова и Капниста и утвердила эти дружескія связи. Она училась немногому, но получила свѣтское воспитаніе, имѣла талантъ къ музыкѣ и играла на арфѣ. Къ тому-же была прекрасной хозяйкой и умѣла вести домъ.

Старики большую часть времени проводили въ имѣніи Званкѣ. Въ стихотвореніи «Жизнь Званская» поэтъ описалъ жизнь эту до мельчайшихъ подробностей. Бытъ и хозяйство Званки были устроены на широкую ногу; домъ и садъ часто оглашались веселымъ говоромъ съѣзжавшихся гостей, громомъ домашней музыки и даже пушекъ.

О послѣднихъ дняхъ жизни Державина въ Званкѣ, лѣтомъ 1816 г., любопытныя подробности сохранились въ дневникѣ племянницы его, Львовой. Особенно подробно было сдѣлано ею описаніе болѣзни, смерти и похоронъ поэта.

Державинъ не разъ при жизни писалъ «эпитафіи самому себѣ». Одна изъ нихъ гласитъ: «здѣсь лежитъ Державинъ, который поддерживалъ правосудіе, но, подавленный неправдою, палъ, защищая законы». Ему хотѣлось остаться непремѣнно страдальцемъ въ памяти потомства, хотя при жизни, защищая законы, онъ если и падалъ, то «вставалъ здорово», по выраженію Фамусова.

Друзья мои, хоръ музъ не пой!
Супруга облекись терпѣньемъ,
Надъ мнимымъ мертвецомъ не вой.

Гораздо искреннѣе его «Признанье», отмѣченное имъ, какъ объясненіе на всѣ его сочиненія. По крайней мѣрѣ Державинъ думалъ здѣсь быть искреннимъ, но, какъ въ произведеніяхъ своихъ, такъ и въ характерѣ, онъ не зналъ своихъ слабыхъ сторонъ.

Потомство достаточно успѣло изучить и оцѣнить его характеръ и значенье. «Языкъ, образъ мыслей, чувства, интересы— все въ немъ, все чуждо нашему времени. Но не умеръ Державинъ такъ-же, какъ не умеръ вѣкъ, имъ прославленный; вѣкъ Екатерины приготовилъ вѣкъ Александра, приготовившій нашъ вѣкъ; между Державинымъ и поэтами *нашего* времени существуетъ та-же кровнородственная историческая связь, которая существуетъ и между этими тремя эпохами русской исторіи...», такъ писалъ Бѣлинскій *въ свое время*, но кровнородственная связь можетъ-ли исчезнуть хотя и въ болѣе отдаленномъ потомствѣ?

Историческую связь нашу съ этимъ прошлымъ Державинъ самъ вѣрно опредѣлилъ въ «Приношеніи монархинѣ», въ началѣ рукописи, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ:

«Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ,
Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима,
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ,
Подъ именемъ твоимъ она громка пребудетъ,
Ты *славою*, твоимъ я *эхомъ* буду жить.
Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ,
Въ могилѣ буду я, но буду говорить».

